This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

UC-NRLF
$B 82 959

P G
3337
K6
1884
MAIN

YC 73285

Digitized by Google

REESE LIBRARY

OF THE

UNIVERSITY OF CALIFORNIA.

Class 823
F81

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. В. КОЛЬЦОВА.

Digitized by Google

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ

А. В. КОЛЬЦОВА.

ВОСЬМОЕ ИЗДАНІЕ К. Т. СОЛДАТЕНКОВА.

Цѣна 30 коп. сер.

1996

МОСКВА.
Типографія М. Щепкина, Средняя Кисловка, д. Волковыхъ.
1884.

Digitized by Google

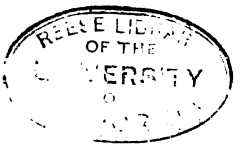
PRESERVATION
COPY ADDED
ORIGINAL TO BE
RETAINED

FEB 1 5 1994

Дозволено цензурою. Москва, марта, 7 дня, 1884 года.

Digitized by Google

PG 3337
K6
1884
MAIN



АЛЕКСѢЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КОЛЬЦОВЪ.

(Отрывокъ изъ статьи о его жизни и сочиненіяхъ В. Бѣлинскаго).

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ родился въ Воронежѣ, въ 1809 году, октября 2-го. Отецъ его воронежскій мѣщанинъ, былъ человѣкъ не богатый, но достаточный, промышлявшій стадами барановъ для доставки матеріала на салотопные заводы. Одаренный самыми счастливыми способностями, молодой Кольцовъ не получилъ никакого образованія. Воспитаніе его предоставлено было природѣ, какъ это бываетъ у насъ и не въ одномъ этомъ сословіи. Само собою разумѣется, что съ раннихъ лѣтъ, онъ не могъ набраться не только какихъ-нибудь нравственныхъ правилъ или усвоить себѣ хорошія привычки, но и не могъ обогатиться никакими хорошими впечатлѣніями, которыя для юной души важнѣе всякихъ внушеній и толкованій. Онъ видѣлъ вокругъ себя домашнія хлопоты, мелочную торговлю съ ея продѣлками, слышалъ грубыя и не всегда пристойныя рѣчи

170616

Digitized by Google

даже отъ тѣхъ, изъ чьихъ устъ ему слѣдовало бы слышать одно хорошее. Всѣмъ извѣстно, какова вообще наша семейственная жизнь, и какова она въ особенности въ среднемъ классѣ, гдѣ мужицкая грубость лишена добродушной простоты и соединена съ мѣщанскою спѣсью, ломаньемъ и кривляньемъ. По счастію, къ благодатной натурѣ Кольцова не приставала грязь, среди которой онъ родился и на лонѣ которой былъ воспитанъ. Съ дѣтства, онъ жилъ въ своемъ особенномъ мірѣ,—и ясное небо, лѣса, поля, степь, цвѣты, производили на него гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, нежели грубая и удушливая атмосфера его домашней жизни. Предоставленный самому себѣ, безъ всякаго присмотра, Кольцовъ, подобно всѣмъ дѣтямъ любившій бродить босикомъ по травѣ и по лужамъ, чуть-было не лишился на всю жизнь употребленія ногъ, и долго былъ боленъ, такъ-что хотя его въ послѣдствіи и вылѣчили, однако онъ всегда чувствовалъ отзывы этой болѣзни. Только необыкновенно крѣпкое сложеніе могло спасти его отъ калѣчества или и самой смерти, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ его жизни. Такъ напримѣръ, будучи уже старше шестнадцати лѣтъ, онъ, на всемъ скаку, упалъ съ лошади, черезъ ея голову, и такъ сильно ударился тыломъ о землю, что на всю жизнь остался сутуловатымъ. Но несмотря на все это онъ былъ здоровъ и крѣпокъ.

На десятомъ году, Кольцова начали учить грамотѣ, подъ руководствомъ одного изъ воронежскихъ семинаристовъ. Такъ-какъ грамота ребенку далась, и онъ скоро ей выучился,

Digitized by Google

его отдали въ воронежское уѣздное училище, изъ котораго онъ былъ взятъ, пробывши около четырехъ мѣсяцевъ во второмъ классѣ; такъ-какъ онъ умѣлъ уже читать и писать, то отецъ его и заключилъ, что больше ему ничего не нужно знать, и что воспитаніе его кончено. Не знаемъ, какимъ образомъ былъ онъ переведенъ во второй классъ, и вообще чему онъ научился въ этомъ училищѣ, потому-что какъ ни коротко мы знали Кольцова лично, но не замѣтили въ немъ никакихъ признаковъ первоначальнаго образованія. Мало того: изъ примѣра Кольцова, мы больше всего убѣдились въ важности первоначальнаго образованія, которое можно получить въ уѣздномъ училищѣ. При всѣхъ его удивительныхъ способностяхъ при всемъ его глубокомъ умѣ — подобно всѣмъ самоучкамъ, образовавшимся урывками, почти тайкомъ отъ родительской власти, Кольцовъ всегда чувствовалъ, что его умственному существованію недостаетъ твердой почвы, и что вслѣдствіе этого, ему часто достается съ трудомъ то, что легко усвоивается людьми очень недалекими, но воспользовавшимися благодѣяніями первоначальнаго обученія. Такъ, напримѣръ, онъ очень любилъ исторію, но многое въ ней было для него странно и дико, особенно все, что относилось до древняго міра, съ которымъ необходимо сблизиться въ дѣтствѣ, чтобы понимать его. Для всякаго, кто въ уѣздномъ училищѣ прошелъ хоть Кайданова исторію, незамѣтно дѣлаются какъ будто родственными имена героевъ древности. Древняя жизнь и древній бытъ такъ не похожи на нашу жизнь и нашъ бытъ, что только чрезъ науку, въ лѣта

Digitized by Google

дѣтства, можемъ мы осваиваться съ ними и привыкать находить ихъ возможными и естественными. Вслѣдствіе этого же недостатка въ первоначальномъ образованіи, Кольцовъ, при всей глубокости и гибкости своего эстетическаго вкуса, не могъ понимать „Иліады“, хотя и не разъ принимался читать ее въ переводѣ Гнѣдича, — между-тѣмъ, какъ Шекспиръ восхищалъ его даже въ посредственныхъ и плохихъ переводахъ, и онъ съ жадностью собиралъ, читалъ и перечитывалъ ихъ. Что онъ не много вынесъ изъ уѣзднаго училища, хотя и пробылъ четыре мѣсяца даже во второмъ классѣ—это всего яснѣе видно изъ того, что онъ не имѣлъ почти никакого понятія о грамматикѣ и писалъ вовсе безъ орѳографіи.

Несмотря на то, съ училища началось для Кольцова пробужденіе его умственной жизни: онъ началъ пристращаться къ чтенію. Получаемыя отъ отца деньги на игрушки, онъ употреблялъ на покупку сказокъ, и „Бова Королевичъ“ съ „Еруслановъ Лазаревичемъ“ составляли его любимѣйшее чтеніе. На Руси не одна одаренная богатою фантазіею натура, подобно Кольцову, начала съ этихъ сказокъ свое литературное образованіе. Охота къ сказкамъ всегда есть вѣрный признакъ въ ребенкѣ присутствія фантазіи и наклонности къ поэзіи,—и переходъ отъ сказокъ къ романамъ и стихамъ очень естественъ: тѣ и другіе даютъ пищу фантазіи и чувству, съ тою только разницею, что сказки удовлетворяютъ дѣтскую фантазію, а романы и стихи составляютъ потребность уже болѣе развившейся и болѣе подружившейся съ разумомъ фантазіи. Читая сказки,

Digitized by Google

Кольцовъ почувствовалъ охоту составлять самому что-нибудь въ ихъ родѣ. Но такъ-какъ тогда онъ еще не имѣлъ привычки повѣрять бумагѣ все что ни приходило ему въ голову, то его неясныя самому ему авторскія порыванія и остались въ однѣхъ мечтахъ.

Десятилѣтній Кольцовъ взятъ былъ изъ училища отцомъ своимъ для того, чтобы помогать ему въ торговлѣ. Онъ бралъ его съ собою въ степи, гдѣ, въ продолженіе всего лѣта, бродилъ его скотъ; а зимою посылалъ его съ прикащиками на базары для закупки и продажи товара. Итакъ, съ десятилѣтняго возраста, Кольцовъ окунулся въ омутъ довольно грязной дѣйствительности; но онъ какъ будто и не замѣтилъ ея: его юной душѣ полюбилось широкое раздолье степи. Не будучи еще въ состояніи понять и оцѣнить торговой дѣятельности, кипѣвшей на этой степи,—онъ тѣмъ лучше понялъ и оцѣнилъ степь, и полюбилъ ее страстно и восторженно, полюбилъ ее какъ друга, какъ любовницу. Поэтому ремесло прасола не только не было ему непріятно, но еще познакомило его съ степью и давало ему возможность цѣлое лѣто не разставаться съ нею. Онъ любилъ вечерній огонь, на которомъ варилась степная каша; любилъ ночлеги подъ чистымъ небомъ, на зеленой травѣ; любилъ иногда цѣлые дни не слѣзать съ коня, перегоняя стадо съ одного мѣста на другое. Правда, эта поэтическая жизнь была не безъ неудобствъ и не безъ неудовольствій, очень прозаическихъ. Случалось цѣлые дни и недѣли проводить въ грязи, слякоти, на холодномъ осеннемъ вѣтру, засыпать на голой землѣ, подъ шумъ дождя, подъ защи-

Digitized by Google

тою войлока, или овчиннаго тулупа. Но привольное раздолье степи, въ ясные и жаркіе дни весны и лѣта, вознаграждало его за всѣ лишенія и тягости осени и бурной погоды.

Разставаясь съ степью, Кольцовъ только мѣнялъ одно наслажденіе на другое: въ городѣ его ожидали сказки и товарищи. Симпатичная натура его рано открылась для любви и дружбы. Бывши еще въ училищѣ, онъ сблизился съ мальчикомъ, ровесникомъ ему по лѣтамъ, сыномъ богатаго купца. Сблизила его съ нимъ страсть къ чтенію, которая въ обоихъ ихъ была сильна. У отца пріятеля Кольцова было много книгъ, и друзья пользовались ими свободно, вмѣстѣ читая ихъ въ саду. Кольцовъ даже бралъ ихъ и на домъ. Правда, эти книги были не что-нибудь дѣльное, а романы Дюкре-дю-Мениля, Августа Лафонтена и подобныхъ имъ; но если для впечатлительной, одаренной сильною фантазіею натуры и сказки о Бовѣ и Еруслапѣ могли служить нравственнымъ будильникомъ—то естественно, что эти романы еще болѣе не могли не быть ей полезными. Больше всего полюбились Кольцову изъ этихъ книгъ „Тысяча и одна ночь“ и „Кадмъ и Гармонія“ Хераскова, особенно первая. И не мудрено: арабскія сказки созданы для того, чтобы плѣнять и очаровывать впечатлительное воображеніе дѣтей и младенчествующихъ народовъ. Тогда русскія простонародныя сказки потеряли для Кольцова всю свою цѣну: это былъ съ его стороны первый шагъ впередъ на пути развитія. Ему уже не хотѣлось сочинять сказокъ: романы овладѣли всѣмъ существомъ его и, разумѣется, у

Digitized by Google

него родилось желаніе самому произвести что-нибудь въ этомъ родѣ; но это желаніе опять осталось при одной мечтѣ.

Такимъ образомъ, между степью съ баранами и чтеніемъ съ пріятелемъ, провелъ Кольцовъ три года. Въ это время, ему суждено было въ первый разъ узнать несчастіе: онъ лишился своего друга, умершаго отъ болѣзни. Горесть Кольцова была глубока и сильна; но онъ не могъ не утѣшиться скоро, потому что былъ еще слишкомъ молодъ, и въ немъ было слишкомъ много жизни, стремленія и отзыва на призывы бытія. Чтеніе сдѣлалось его прибѣжищемъ отъ горести и утѣшеніемъ въ ней. Послѣ его пріятеля ему осталось нѣсколько десятковъ книгъ, которыя онъ перечитывалъ на свободѣ, и въ городѣ, и въ степи. До-сихъ-поръ, онъ не читалъ стиховъ и не имѣлъ о нихъ никакого понятія. Вдругъ, нечаянно покупаетъ онъ на рынкѣ, за сходную цѣну, сочиненія Дмитріева. Въ восторгѣ отъ своей покупки, бѣжитъ онъ съ нею въ садъ, и начинаетъ пѣть стихи Дмитріева. Ему казалось, что стихи нельзя читать, но должно ихъ пѣть: такъ заключалъ онъ по пѣснямъ, между которыми и стихами не могъ тотчасъ же не замѣтить близкаго сходства. Гармонія стиха и риѳмы полюбилась Кольцову, хотя онъ и не понималъ, что такое стихъ и въ чемъ состоитъ его отличіе отъ прозы. Многія піесы онъ заучилъ наизусть и особенно понравился ему „Ермакъ“. Тогда пробудилась въ немъ сильная охота самому слагать такія же звучныя строфы съ рифмами; но у него не было ни матеріала для содержанія, ни умѣнія для формы.

Digitized by Google

Однакожь, матеріялъ вскорѣ ему представился, и онъ по-своему воспользовался имъ для перваго опыта въ стихахъ. Тогда ему было 16 лѣтъ. Одному изъ его пріятелей приснился странный сонъ, повторявшійся три ночи сряду. Въ молодыя лѣта, всякій сколько-нибудь странный или необыкновенный сонъ имѣетъ для насъ таинственное и пророческое значеніе. Пріятель Кольцова былъ сильно пораженъ своимъ сномъ и разсказалъ его Кольцову, чѣмъ и произвелъ на него такое глубокое впечатлѣніе, что тотъ сейчасъ же рѣшился описать его стихами. Оставшись одинъ, Кольцовъ засѣлъ за дѣло, не имѣя никакого понятія о размѣрѣ и версификаціи; выбралъ одну піесу Дмитріева и началъ подражать ея стиху. Первые стиховъ десятокъ достались ему съ большимъ трудомъ, остальные пошли легче, и въ ночь готова была пречудовищная піеса, подъ названіемъ „Три Видѣнія“, которую онъ потомъ истребилъ, какъ слишкомъ нелѣпый опытъ. Но какъ ни плохъ былъ этотъ опытъ, однакожь онъ навсегда рѣшилъ поэтическое призваніе Кольцова: послѣ него, онъ почувствовалъ рѣшительную страсть къ стихотворству. Ему хотѣлось и читать чужіе стихи и писать свои, такъ что съ этихъ поръ онъ уже неохотно читалъ прозу, и сталъ покупать только книги, писанныя стихами. Такъ-какъ въ Воронежѣ и тогда существовала небольшая книжная лавка, то на деньги, которыя иногда давалъ ему отецъ, Кольцовъ скоро пріобрѣлъ себѣ сочиненія Ломоносова, Державина, Богдановича. Онъ продолжалъ писать, стараясь подражать этимъ поэтамъ въ механизмѣ стиха; но вотъ горе: ему некому было показывать своихъ

Digitized by Google

опытовъ, не съ кѣмъ было совѣтоваться на ихъ счетъ, а между тѣмъ, совѣтникъ ему былъ необходимъ, — и онъ рѣшился обратиться за совѣтами къ воронежскому книгопродавцу, наивно предполагая, что кто торгуетъ книгами, тотъ знаетъ и толкъ въ книжномъ дѣлѣ, и принесъ ему „Три Видѣнія“ и другія свои піесы. Книгопродавецъ былъ человѣкъ необразованный, но не глупый и добрый; онъ сказалъ Кольцову, что его стихи кажутся ему дурными, хотя онъ и не можетъ ему объяснить, почему именно; но что если онъ хочетъ научиться писать хорошо стихи, то вотъ поможетъ ему книжка: „Русская Просодія, изданная для воспитанниковъ благороднаго университетскаго пансіона“. Видно какой-то инстинктъ сказалъ этому книгопродавцу, что онъ видитъ передъ собою человѣка не совсѣмъ обыкновеннаго, и видно, его тронуло страстное юношеское стремленіе Кольцова къ стихотворству: онъ подарилъ ему „Русскую Просодію“ и предложилъ ему безденежно давать книги для прочтенія. Нечего и говорить о радости Кольцова: онъ пріобрѣлъ книгу, которая должна посвятить его въ таинства стихотворства и дать ему возможность самому сдѣлаться поэтомъ, и, сверхъ того, у него очутилась подъ руками цѣлая библіотека! Это было для него счастіемъ, блаженствомъ! Онъ избавился отъ необходимости перечитывать однѣ и тѣ же книги; цѣлый новый міръ открылся передъ нимъ, и онъ бросился въ него со всѣмъ жаромъ, со всею жадностью нестерпимаго голода, и безъ разбору пожиралъ чтеніемъ и хорошее и дурное. Книги, которыя ему особенно нравились, онъ, по прочтеніи, покупалъ, и его небольшая библіоте-

Digitized by Google

ка скоро обогатилась сочиненіями Жуковскаго, Пушкина, Дельвига.

Такимъ образомъ, въ раздольѣ этого чтенія и въ попыткахъ на стихотворство прошло пять лѣтъ. Кольцовъ достигъ семнадцатилѣтняго возраста, и тогда съ нимъ совершилось событіе, имѣвшее могущественное вліяніе на всю жизнь его. Мы уже говорили, что Кольцовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ страстныхъ организацій, которыя рано открываются для всѣхъ симпатій сердца, для любви и дружбы въ особенности. До сихъ поръ это были чувства и привязанности хотя жаркія, но дѣтскія: теперь настала пора чувствъ и привязанностей другаго рода. Въ семейство Кольцова вошла молодая дѣвушка, въ качествѣ служанки. Несмотря на низкое званіе, она получила отъ природы все, чѣмъ можно было потрясти въ основаніи такую сильную и поэтическую натуру, какова была натура Кольцова. И его чувство не осталось безъ отвѣта. Не знаемъ, долго ли продолжалась эта связь; но знаемъ, что она не была шалостью, или легкимъ безотчетнымъ чувствомъ, впервые пробудившеюся потребностью молодой кипящей крови. Нѣтъ, это была страсть глубокая и сильная, вліяніе которой Кольцовъ чувствовалъ всю жизнь свою. Онъ не только любилъ, онъ уважалъ, свято чтилъ предметъ своей любви, въ которомъ нашелъ свой осуществленный идеалъ женщины, еще не мечтая объ идеалахъ и не ища ихъ. Но эта связь, составлявшая жизнь и блаженство молодаго поэта, не нравилась его семейству и даже безпокоила его. Извѣстное дѣло, что въ этомъ сословіи, первое задушевное желаніе отца со-

Digitized by Google

стоитъ въ томъ, чтобы поскорѣе женить своего сына на какомъ нибудь размалеванномъ бѣлилами, румянами и сурьмою болванѣ съ черными зубами и хорошимъ, соотвѣтственно состоянію семьи жениха, приданымъ. Связь Кольцова была опасна для этихъ мѣщанскихъ плановъ, не говоря уже о томъ, что въ глазахъ дикихъ невѣждъ, простодушно и грубо чуждыхъ всякой поэзіи жизни, она казалась предосудительною и безнравственною. Надо было разорвать ее во что бы ни стало. Для этого воспользовались отсутствіемъ Кольцова въ степь,—и когда онъ воротился домой, то уже не засталъ ее тамъ.... Это несчастіе такъ жестоко поразило его, что онъ схватилъ сильную горячку. Оправившись отъ болѣзни и призанявши у родныхъ и знакомыхъ деньжонокъ, онъ бросился, какъ безумный, въ степи развѣдывать о несчастной. Сколько могъ, далеко ѣздилъ самъ, еще дальше посылалъ преданныхъ ему за деньги людей. Не знаемъ, долго ли продолжались эти розыски, только результатомъ ихъ было извѣстіе, что несчастная жертва варварскаго разсчета, попавши въ донскія степи, въ казачью станицу, скоро зачахла и умерла въ тоскѣ разлуки и въ мукахъ жестокаго обращенія....

Эта любовь, и въ ея счастливую пору и въ годину ея несчастія, сильно подѣйствовала на развитіе поэтическаго таланта Кольцова. Онъ какъ будто вдругъ почувствовалъ себя уже не стихотворцемъ, одолѣваемымъ охотою слагать размѣренныя строчки съ риѳмами, безъ всякаго содержанія, но поэтомъ, стихъ котораго сдѣлался отзывомъ на призывы жизни, грудь котораго носила въ себѣ богатое содер-

Digitized by Google

жаніе для поэтическихъ вліяній. Натура Кольцова была крѣпка и здорова физически и нравственно. Какъ ни жестокъ былъ ударъ, поразившій его въ самое сердце, но онъ вынесъ его, не закрылъ глазъ своихъ на природу и жизнь, не оглохъ къ ихъ обаятельнымъ призывамъ, не ушелъ внутрь себя, не забился въ какія-нибудь сладковато-мистическія утѣшенія, какъ это дѣлаютъ послѣ несчастія нравственно слабыя натуры. Нѣтъ, онъ взялъ свое горе съ собою, бодро и мощно понесъ его по пути жизни, какъ дорогую, хотя и тяжкую ношу, не отказываясь въ то же время отъ жизни и ея радостей. Въ своемъ поэтическомъ призваніи, увидѣлъ онъ вознагражденіе за тяжкое горе своей жизни, и весь погрузился въ море поэзіи, читая и перечитывая любимыхъ поэтовъ, и по ихъ слѣдамъ, пробуя самъ извлекать изъ своей души поэтическіе звуки, которыми она была переполнена. Къ тому же, онъ ужь не имѣлъ больше надобности носить свои стихотворенія на судъ къ книгопродавцу, потому-что нашелъ себѣ совѣтника и руководителя, какого давно желалъ и въ какомъ давно нуждался. И когда постигла его утрата любви, у него, какъ бы въ вознагражденіе за нее, остался другъ. Это былъ человѣкъ замѣчательный, одаренный отъ природы счастливыми способностями и прекраснымъ сердцемъ. Натура сильная и широкая, Серебрянскій, будучи семинаристомъ, рано почувствовалъ отвращеніе къ схоластикѣ, рано понялъ, что судьба назначила ему другую дорогу и другое призваніе, и руководимый инстинктомъ, онъ самъ себѣ создалъ образованіе, котораго нельзя получить въ семинаріи. Въ его на-

Digitized by Google

турѣ и самой судьбѣ было много общаго съ Кольцовымъ, и ихъ знакомство скоро превратилось въ дружбу. Дружескія бесѣды съ Серебрянскимъ были для Кольцова истинною школою развитія во всѣхъ отношеніяхъ, особенно въ эстетическомъ. Для своихъ поэтическихъ опытовъ, Кольцовъ нашелъ себѣ въ Серебрянскомъ судью строгаго, безпристрастнаго, со вкусомъ и тактомъ, знающаго дѣло.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сошелся съ Серебрянскимъ, и прежнія его стихотворенія, и вновь написанныя, достигли той степени удовлетворительности, что стали годиться для печати. Одни изъ нихъ онъ поправлялъ по совѣту Серебрянскаго, а насчетъ удавшихся съ разу былъ спокоенъ, опираясь на его одобреніе. Но не долго пользовался онъ совѣтами друга. Серебрянскому надо было избрать себѣ дорогу, и не столько по влеченію, сколько по разсчету, поприще врача онъ предпочелъ другимъ, чтобы не отчаяваться въ будущемъ, по-крайней-мѣрѣ въ кускѣ хлѣба, и поступилъ въ московскую медико-хирургическую академію.

Какъ бы то ни было, но поэтическое призваніе Кольцова было рѣшено и сознано имъ самимъ. Непосредственное стремленіе его натуры преодолѣло всѣ препятствія. Это былъ поэтъ по призванію, по натурѣ,—и препятствія могли не охладить, а только дать его поэтическому стремленію еще большую энергію. Прасолъ, верхомъ на лошади гоняющій скотъ съ одного поля на другое, по колѣни въ крови присутствовавшій при рѣзаніи, или, лучше сказать, при бойнѣ скота; прикащикъ, стоящій на базарѣ у возовъ съ саломъ,—и мечтающій о любви, о дружбѣ, о внутрен-

Digitized by Google

никъ поэтическихъ движеніяхъ души, о природѣ, о судьбѣ человѣка, о тайнахъ жизни и смерти, мучимый и скорбями растерзаннаго сердца и умственными сомнѣніями, и въ то же время, дѣятельный членъ дѣйствительности, среди которой поставленъ, смышленый и бойкій русскій торговецъ, который продаетъ, и покупаетъ, бранится и дружится. Вотъ знаетъ съ кѣмъ, торгуется изъ копейки и пускаетъ въ ходъ всѣ пружины мелкаго торгашества, которыхъ внутреннюю отвращается какъ мерзости: какая картина, какая судьба, какой человѣкъ!.... Возвращаясь домой, онъ встрѣчаетъ не ласку, не привѣтъ, а грубое невѣжество, которое никакъ не можетъ простить ему того, что онъ хочетъ быть человѣкомъ и, въ этомъ отношеніи, уже рѣзко отличился отъ невѣжественныхъ животныхъ въ человѣческомъ образѣ. Но у него есть книги,

Много думъ въ головѣ,
Много въ сердцѣ огня!—

и онъ закрываетъ глаза на грязную дѣйствительность, не замѣчаетъ презрѣнія, не видитъ ненависти. Презрѣніе, ненависть!.... За что же?..... Кому онъ сдѣлалъ зло, кого обидѣлъ? Не жертвуетъ ли онъ лучшими своими чувствами, благороднѣйшими своими стремленіями этой грязной и сальной дѣйствительности, чтобы тяжкимъ трудомъ и скучными хлопотами, въ чуждой ему сферѣ способствовать матеріальному благосостоянію своего семейства? Но, увы! удивляться этому презрѣнію и этой ненависти безъ причины, значитъ не знать людей. Сойдитесь съ пьяницей, сами оставаясь трезвымъ человѣкомъ, онъ не возлюбитъ васъ. Неряха никогда не проститъ вамъ опрят-

Digitized by Google

ности, низкопоклонникъ — благородной гордости, негодяй — честности. Но еще болѣе невѣжество не проститъ вамъ ума и стремленія къ образованности. И какъ проститъ? Не желая оскорблять его, будучи съ нимъ ласковы и обязательны, вы все-таки унижаете его вашимъ достоинствомъ, вы живой упрекъ ему! И если это невѣжество — пожилой, почтенный человѣкъ, ничего не умѣющій дѣлать, а вы юноша, который въ житейскихъ дѣлахъ превосходитъ его способностью и соображеніемъ: тогда онъ лютый, непримиримый врагъ вашъ. Онъ воспользуется вашими услугами, выжметъ васъ насухо, какъ апельсинъ, а потомъ растопчетъ ногами и выброситъ за окно, видя, что вы уже больше не нужны ему.

Слухъ о самородномъ талантѣ Кольцова дошелъ до одного молодаго человѣка, одного изъ тѣхъ замѣчательныхъ людей, которые не всегда бываютъ извѣстны обществу, но благоговѣйные и таинственные слухи о которыхъ переходятъ иногда и въ общество изъ тѣснаго кружка близкихъ къ нимъ людей. Это былъ Станкевичъ, сынъ воронежскаго помѣщика, бывшій въ то время въ московскомъ университетѣ и пріѣзжавшій на каникулы въ свою деревню, а оттуда иногда и въ Воронежъ. Станкевичъ познакомился съ Кольцовымъ, прочелъ его опыты и одобрилъ ихъ. Въ 1831 году, Кольцовъ, по дѣламъ отца своего, пріѣхалъ въ Москву и, черезъ Станкевича, пріобрѣлъ тамъ нѣсколько новыхъ знакомствъ, въ послѣдствіи довольно важныхъ для него. Въ это время двѣ или три пѣсни его были напечатаны съ его именемъ въ одномъ, впрочемъ, довольно плохомъ мос-

Digitized by Google

ковскомъ журналѣ. Для Кольцова, еще не смѣвшаго вѣрить въ свой талантъ, это было лестно и пріятно. Въ послѣдствіи, Станкевичъ предложилъ ему на свой счетъ издать его стихотворенія. Это намѣреніе было выполнено въ 1835 году. Изъ довольно увѣсистой и толстой тетради, Станкевичъ выбралъ 18 піесъ, показавшихся ему лучшими и напечаталъ ихъ въ маленькой опрятной книжкѣ, которая доставила Кольцову большую извѣстность въ литературномъ мірѣ. Правда, тутъ больше всего дѣйствовало волшебное словцо поэтъ-самоучка, поэтъ-прасолъ, — и будь эти 18 стихотвореній изданы какъ произведенія человѣка хотя бы и крестьянскаго званія по рожденію, но кончившаго курсъ въ университетѣ и уже служившаго чиновникомъ въ департаментѣ; на нихъ не обратили бы такого вниманія. Но надо и то сказать, что въ этой книжкѣ видно было больше обѣщаніе въ будущемъ сильнаго таланта, нежели сильный талантъ въ настоящемъ.

1836-й годъ былъ эпохою въ жизни Кольцова. По дѣламъ отца своего, онъ долженъ былъ побывать въ Москвѣ и Петербургѣ и пробыть довольно долгое время въ обѣихъ столицахъ. Въ Москвѣ онъ коротко сблизился съ однимъ молодымъ литераторомъ, съ которымъ познакомился еще въ первый пріѣздъ свой въ Москву. Новый пріятель познакомилъ его со многими московскими литераторами. Эти знакомства обогатили его книгами, потому-что почти каждый литераторъ спѣшилъ дарить его своими сочиненіями и изданіями. Такимъ образомъ, библіотека его въ короткое время значительно умножилась. Что же касается

до чести знакомства со всеми литературными знаменитостями, большими и малыми, — то нельзя сказать, чтобы Кольцовъ добивался ея, или слишкомъ дорожилъ ею. Съ одной стороны, онъ былъ скроменъ и робокъ, а съ другой, въ немъ сильно было чувство своего человѣческаго достоинства, и потому онъ не любилъ быть на выставкѣ. По чувству деликатности и благодарности, онъ позволялъ принимавшимъ въ немъ участіе людямъ развозить его по литературнымъ знаменитостямъ, но играть тутъ болѣе пассивную, нежели дѣятельную роль. Онъ никакъ не могъ убѣдиться, чтобы онъ по своимъ достоинствамъ, имѣлъ право на вниманіе чуждыхъ ему людей. Представляться кому бы то ни было въ качествѣ таланта, или литературной рѣдкости, ему было и неловко и больно. Притомъ же, Кольцовъ былъ очень проницателенъ и имѣлъ много такту: онъ очень хорошо понималъ и видѣлъ, что одни принимали его, какъ диковинку, смотрѣли на него, какъ смотрятъ на заморскаго звѣря, на великана, на карлика, что другіе, снисходя до равенства въ обращеніи съ нимъ, были въ восторгѣ отъ своей просвѣщенной готовности уважать талантъ даже и въ мѣщанинѣ; и что только слишкомъ немногіе протягивали ему руку съ участіемъ и искренностію. Нѣкоторые смотрѣли на него съ чувствомъ своего достоинства и терпѣли въ немъ только покровительства, а нѣкоторые только изъ вѣжливости не обращались къ нему спиной. Все это онъ очень хорошо видѣлъ и понималъ. Одинъ знаменитый московскій литераторъ обошелся съ нимъ очень сухо, хотя и вѣжливо; потомъ, встрѣтившись съ молодымъ ли-

Digitized by Google

тераторомъ, который представилъ ему Кольцова, началъ надъ нимъ подшучивать: „Что де вы нашли въ этихъ стишонкахъ, какой тутъ талантъ? Да это просто ваша мистификація: вы сами сочинили эту книжку ради шутки“. Другой, тоже очень извѣстный литераторъ, не нашелъ ничего поэтическаго въ наружности, манерахъ и словахъ Кольцова, а напротивъ, увидѣлъ въ немъ очень положительнаго человѣка, изъ чего и заключилъ, что у него не можетъ быть таланта. Это послѣднее заключеніе особенно замѣчательно: такъ судитъ толпа о поэтѣ! Не находя въ себѣ довольно способности, чтобы изъ сочиненій поэта удостовѣриться въ его талантѣ, она требуетъ отъ него, чтобъ онъ показывался передъ нею не иначе, какъ въ поэтическомъ мундирѣ, то есть съ кудрями до плечъ, съ вдохновеннымъ взоромъ, съ восторженною рѣчью, съ поэтическимъ опьянѣніемъ или безуміемъ въ манерахъ и движеніяхъ. Тогда ей легко признать его поэтомъ. Но, увы! Кольцовъ нисколько не подходилъ подъ этотъ идеалъ поэта: онъ былъ слишкомъ уменъ, слишкомъ хорошо зналъ жизнь и людей, чтобы играть глупенькую и пошленькую роль энтузіаста. Онъ не любилъ обращать на себя вниманіе, и думалъ, что въ обществѣ особенно должно держать себя прилично, быть просто человѣкомъ, какъ всѣ, а не геніемъ, не поэтомъ. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ глупцовъ, которые думаютъ, что если имъ удалось скропать порядочную статейку, повѣстку, или десятокъ стихотвореній: то всѣ должны почитать за счастье видѣть ихъ, и что кому они протянули свою руку, тотъ долженъ быть безъ

ума отъ радости. Кольцовъ не былъ скоръ ни на знакомства, ни на дружбу. Когда онъ видѣлъ съ чьей-нибудь стороны слишкомъ многоласки къ нему, это пугало его и заставляло быть осторожнымъ. Онъ никакъ не могъ думать, чтобы въ немъ было что-нибудь особенное, за что нельзя было не любить его... „Что я ему? Что такое во мнѣ?“ говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ. Но когда онъ сходился съ человѣкомъ, когда увѣрялся, что тотъ не изъ прихоти, а дѣйствительно расположенъ къ нему, и что онъ самъ можетъ платить ему тѣмъ же, — тогда раскрывалъ онъ свою душу, и на его преданность можно было положиться, какъ на каменную гору. Онъ умѣлъ любить, глубоко чувствовалъ потребность дружбы и любви, и, какъ немногіе, былъ способенъ къ нимъ, но не любилъ шутить ими...

Однакожъ знакомства съ литературными знаменитостями были для него не безъ пріятности. Когда онъ освобождался отъ замѣшательства перваго представленія и сколько-нибудь освоивался съ новымъ лицомъ, оно интересовало его. Говоря мало, глядя немножко изподлобья, онъ все замѣчалъ, и едва ли что ускользало отъ его проницательности, — что было ему тѣмъ легче, что каждый готовъ былъ видѣть въ немъ скорѣе замѣшательство и нелюдимость, нежели проницательность. Ему любопытно было видѣть себя въ кругу тѣхъ умныхъ людей, которые издалека казались ему существами высшаго рода; ему интересно было слышать ихъ умныя рѣчи. Много ли наслушался онъ ихъ, объ этомъ мы кое-что слышали отъ него въ послѣдствіи...

Въ Петербургѣ, Кольцовъ познакомился съ княземъ Одоевскимъ, съ Пушкинымъ, Жуковскимъ и княземъ Вяземскимъ, былъ хорошо ими принятъ и обласканъ. Съ особеннымъ чувствомъ вспоминалъ онъ всегда о радушномъ и тепломъ пріемѣ, который оказалъ ему тотъ, кого онъ съ трепетомъ готовился увидѣть, какъ божество какое-нибудь — Пушкинъ. Почти со слезами на глазахъ разсказывалъ намъ Кольцовъ объ этой торжественной въ его жизни минутѣ. Кто познакомился въ Петербургѣ съ первыми литературными знаменитостями, тому ничего не стоитъ перезнакомиться съ второстепенными. Сперва они и здѣсь больше все молчатъ и наблюдаютъ, но потомъ, смекнувъ дѣломъ, даютъ волю своей иронiи... О, какъ бы удивились многіе изъ фельетонныхъ и стихотворныхъ рыцарей, еслибы могли догадаться, что этотъ мужичекъ, которому они думали импонировать своею литературною важностію, видитъ ихъ насквозь и умѣетъ настоящимъ образомъ цѣнить ихъ таланты, образованность и ученость...

Въ 1838 году, Кольцовъ опять былъ по дѣламъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ этотъ разъ онъ особенно долго жилъ въ Москвѣ, и до отъѣзда въ Петербургъ, и по возвращеніи изъ него; и жизнь въ Москвѣ тогда особенно полюбилась ему. Постоянно пріятное разположеніе духа было причиною, что онъ написалъ въ это время много хорошаго. Возвращеніе домой было для него довольно грустно. Онъ вдругъ почувствовалъ, что есть другой міръ, который гораздо ближе къ нему и сильнѣе манитъ его къ себѣ, нежели міръ воронежской и степной жизни. Имъ овладѣло чувство оди-

Digitized by Google

почества, которое преодолѣвалось въ немъ только любовью къ природѣ и чтеніемъ. Вотъ что писалъ онъ объ этомъ къ одному изъ своихъ московскихъ пріятелей: „Въ Воронежъ я пріѣхалъ хорошо; но въ Воронежѣ жить мнѣ противу прежняго вдвое хуже; скучно, грустно, бездомно въ немъ. И все какъ-то кажется то же, а не то. Дѣла коммерціи безъ меня разстроились порядочно, новыхъ непріятностей куча; что день — то горе, что шагъ — то напасть. Но, слава Богу, какъ то я всѣ ихъ переношу теперь терпѣливо, и онѣ сдѣлались для меня будто предметами посторонними и до меня почти не касающимися. „На душѣ тепло, покойно. Хорошее лѣто, славная погода, „синее небо, свѣтлый день, вечерняя тишь — все прекрасно, чудесно, очаровательно — и я жизнію живу и „тону своею душою въ удовольствіяхъ нашего лѣта. Благодарю васъ, благодарю вмѣстѣ и всѣхъ нашихъ друзей. „Вы и они много для меня сдѣлали, о, слишкомъ много, „много! Эти послѣдніе два мѣсяца стоили для меня пяти „лѣтъ воронежской жизни. Я теперь гляжу на себя, и не „узнаю. Словесностью занимаюсь мало, читаю немного — „некогда, въ головѣ дрянь такая набита, что хочется плюнуть; „матеріализмъ дрянной, гадкій, и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимый. Плавай, голубчикъ, на всякой водѣ, гдѣ велятъ „дѣла житейскія; ныряй и въ тинѣ, когда надобно нырять; „гнись въ дугу и стой прямо въ одно время. И я все это „дѣлаю теперь даже съ охотою. Новаго не написалъ ничего — некогда. Воронежъ принялъ меня противу прежняго въ десять разъ радушнѣе; я благодаренъ ему. До

для него Воронежъ, а къ Москвѣ, и туда стремились всѣ думы его. Въ семействѣ своемъ, онъ горячо любилъ младшую сестру, и между ними существовала самая тѣсная дружба. Кольцовъ видѣлъ въ сестрѣ много хорошаго, уважалъ ея вкусъ и часто совѣтовался съ нею насчетъ его стихотвореній, словомъ, дѣлился съ нею своею внутреннею жизнью. Вѣря въ ея къ нему задушевное расположеніе, онъ дѣлалъ для нея все, что могъ. Настойчивостію, просьбами, лестью, всякими хитростями, онъ склонилъ своего отца купить ей фортепіано и нанялъ учителя музыки и французскаго языка. Новыя связи и отношенія, новый міръ, открывшійся ему, не ослабилъ этой дружбы, хотя одной ея ему было уже мало, и сердце его рвалось вдаль. Натура Кольцова была не только сильна, но и нѣжна, онъ не вдругъ привязывался къ людямъ, сходился съ ними недовѣрчиво, сближался медленно, но когда уже отдавался имъ, то отдавался весь. Это имѣло для него гибельныя слѣдствія въ отношеніи къ нѣкоторымъ привязанностямъ: предательство, вѣроломство, низкія интриги особы, которой онъ былъ преданъ безусловно и которая казалась ему также преданною, были для него страшнымъ ударомъ. Онъ все на свѣтѣ могъ перенести кромѣ этого и кошачья лапка имѣла силу ранить его сильнѣе львиной лапы. Горячо любилъ онъ также своего маленькаго брата, но тотъ давно уже умеръ, къ его крайнему прискорбію. Съ отцомъ онъ былъ всегда на политическихъ отношеніяхъ, которыя и въ размолвкѣ и въ мирѣ, были борьбою. Тутъ старые предразсудки и невѣжество явно и тайно боролись съ смѣлымъ

Digitized by Google

умомъ и стремленіемъ къ свѣту. Счастливое окончаніе нѣкоторыхъ важныхъ для благосостоянія семейства дѣлъ и лестное вниманіе В. А. Жуковскаго къ Кольцову — вниманіе, которому свидѣтелемъ былъ весь Воронежъ въ 1837 году, — способствовали наружному миру и согласію между отцомъ и сыномъ. Къ тому же, сынъ былъ еще необходимъ для отца: на немъ лежали всѣ торговыя дѣла, на него переведены были всѣ долги, всѣ векселя и обязательства; на его дѣятельности, его умѣньи и ловкости вести дѣла лежала участь цѣлаго дома, который былъ въ такомъ положеніи, что еще нѣсколько счастливо преодолѣнныхъ препятствій — и его благосостояніе совершенно упрочилось; но въ случаѣ неуспѣха, должно было слѣдовать конечное разореніе.

Еслибы Кольцовъ принялся за дѣла, будучи лѣтъ 18-ти, не раньше, навѣрное можно сказать, что онъ съ ними никакъ бы не освоился, и его поэтическая натура съ ужасомъ и омерзѣніемъ отворотилась бы отъ этой грязной дѣятельности. Но онъ понемногу и незамѣтно для самого-себя освоился съ ними съ дѣтства; эта дѣйствительность украдкою подошла къ нему и овладѣла имъ прежде, нежели онъ былъ въ состояніи увидѣть ея безобразіе. Самъ не зная какъ, втянулся онъ въ дѣла мелкаго торгашества, тѣмъ легче, что они не отнимали же у него вовсе возможности предаваться чтенію, мечтамъ, природѣ и поэзіи. Онъ же такъ полюбилъ степь! На ней началось его изученіе дѣйствительности и людей, и борьба съ ними; здѣсь была его школа жизни. Тутъ случались съ нимъ обстоятельства не только

Digitized by Google

непріятныя, даже страшныя. Разъ, въ степи, одинъ изъ работниковъ за что-то такъ озлобился на него, что рѣшился его зарѣзать. Намекнули ли объ этомъ Кольцову со стороны, или онъ самъ догадался, но медлить было нельзя, а обыкновенными средствами защищаться невозможно. Надобно было рѣшиться на трагй-комедію, и Кольцова досталo на нее. Будто ничего не подозрѣвая и не замѣчая, онъ сталъ съ мужикомъ необыкновенно любезенъ, досталъ вина, пилъ съ нимъ и братался. Этимъ опасность была отстранена, потому-что русскаго мужика сивухою такъ же можно и отвести отъ убійства, какъ и навести на него. Только по возвращеніи въ Воронежъ, Кольцовъ снялъ съ себя маску передъ отчаяннымъ удальцомъ, требовавшимъ разсчета. При этомъ разсчетѣ, продолжавшемся очень долго, злодѣй имѣлъ причину и время раскаяться въ своемъ умыслѣ, а можетъ-быть, и въ томъ, что не удалось ему его выполнить.... Вотъ міръ, въ которомъ жилъ Кольцовъ, вотъ борьба, которую онъ велъ съ дѣйствительностію!.... Не съ одними волками, которые стаями слѣдили за стадами барановъ, приходилось ему вести ожесточенную войну....

Около этого времени, то есть послѣдней поѣздки его въ Москву, къ прочимъ хлопотамъ Кольцова присоединилась еще постройка новаго дома, который, по величинѣ своей, долженъ былъ давать около семи тысячъ ассигнаціями ежегоднаго доходу. Къ несчастію, не одинъ онъ былъ наслѣдникомъ этого дома — обстоятельство, которое въ послѣдствіи дорого ему стоило!... Всѣ эти дѣла онъ велъ и ладилъ, и черезъ два года довелъ на свою погибель до же-

Digitized by Google

ланнаго конца... Но на это время они начали тяготить его, и въ немъ все больше и больше усиливалось отвращеніе къ нимъ. Это не было слѣдствіемъ пошлаго идеальничанья, которое любитъ одни облака и не любитъ земли; нѣтъ, тутъ былъ другой, благороднѣйшій источникъ. Кольцовъ понималъ большое различіе между купцомъ-капиталистомъ, которому не только необходимо, даже выгодно быть честнымъ, потому что честность даетъ кредитъ, а безъ кредита большая торговля невозможна,—и между мелкимъ торговцемъ, котораго положеніе всегда скользко, ненадежно, неопредѣленно, который всегда принужденъ вертѣться ужомъ и жабою, кланяться, подличать, божиться, натягивать всѣми правдами и неправдами.... Кольцовъ не боялся дѣла, но не любилъ низости и грязи. Волею и неволею, былъ онъ съ дѣтства завербованъ въ эту грязную дѣятельность; запряженный разъ, терпѣливо тащилъ свою ношу въ надеждѣ будущихъ благъ; но по-временамъ эта ноша доводила его до отчаянія. Съ послѣдней поѣздки въ Москву, эти минуты унынія, апатіи и тоски стали являться чаще. Одна надежда облегчала ихъ. По отстройкѣ дома, онъ думалъ сдать отку приведенныя имъ въ порядокъ дѣла по степи, а самому заняться присмотромъ за домомъ и открыть въ немъ книжную лавку. Это значило бы для него примирить потребности своей натуры съ внѣшнею дѣйствительностію. Но при всемъ своемъ знаніи жизни и людей, Кольцовъ жестоко обманывался въ своей надеждѣ.... Но пока надо было жить какъ судьба хотѣла. Слѣдующія строки изъ письма его къ одному изъ знакомыхъ ему не-

Digitized by Google

тербургскихъ литераторовъ, писанныя еще въ 1836 году, представляютъ яркую картину его занятій: „Батинька два „мѣсяца въ Москвѣ, продаетъ быковъ; дома я одинъ, дѣлъ „много. Покупаю свиней, становлю на винный заводъ на „барду; въ рощѣ рублю дрова; осенью пахалъ землю; на „скорую руку ѣзжу въ села; дома по дѣламъ хлопочу съ „зари до полночи". Но тогда онъ не жаловался, а черезъ два года писалъ въ Москву къ пріятелю: „Писать къ вамъ „хочется, а ничего нейдетъ изъ головы. Плоха что-то „моя голова сдѣлалась въ Воронежѣ, одурѣла вовсе, и „самъ не знаю отъ чего — не то отъ этихъ дѣлъ торго- „выхъ, не то отъ перемѣны жизни. Я было такъ привыкъ „быть у васъ и съ вами, такъ забылся для всего другаго; „а тутъ вдругъ все надобно позабыть, дѣлать другое, ду- „мать о другомъ — вѣдь и дѣла торговыя тоже сами не „дѣлаются, тоже кой-о-чемъ надобно подумать. Такъ од- „ряхлѣлъ, такъ отяжелѣлъ: право, боюсь, чтобъ мнѣ не „сдѣлаться вовсе человѣкомъ матеріяльнымъ. Боже избави! „Ужь это будетъ весьма рано; не хотѣлось бы это слы- „шать отъ самого себя. Что-то скажетъ осень. Кажется, „у ней будетъ для меня больше свободнаго времени — по- „смотримъ. Стройка дома безъ меня и дѣла торговыя у „отца шли дурно. Теперь, слава Богу, плыветъ ровнѣе. „Съ отцомъ живемъ хорошо, ладно — и лучше. Онъ ко мнѣ „больше имѣетъ уваженія теперь, нежели прежде, а все „видно хорошій конецъ дѣла. Онъ эти вещи очень любитъ, „и хорошо дѣлаетъ: ему старику это идетъ". — Мѣсяца че- резъ два онъ писалъ къ тому же лицу: „Хотѣлось бы пи-

Digitized by Google

„сать къ вамъ совсѣмъ не такъ, какъ пишу теперь; но „что жь прикажете дѣлать, когда дѣла дьявольски рабо- „таютъ со мною. Бойка скота, стройка дома, туда, сюда— „ажъ на душѣ топнитъ, такъ хорошо мнѣ жить!—Серебр- „рянскій умеръ. Да, лишился я человѣка, котораго любилъ „столько лѣтъ душою и котораго потерю горько оплакиваю. „Много желаній не сбылося, много надеждъ не исполнилось— „проклятая болѣзнь! Прекрасный міръ прекрасной души, не „высказавшись, сокрылся навсегда. Да, внѣшнія обстоятель- „ства могутъ подавить и великую душу человѣка, если они „безпрерывно тяготятъ ее, и когда противу нихъ защиты „нѣтъ. На плодотворной почвѣ земли хорошо удобритъ че- „ловѣкъ свою ниву, посѣетъ хлѣбъ, но не соберетъ плода, „если лѣто выжжетъ корень; роса зари ему не помочь— „ей нуженъ въ пору дождь. А этой-то земной благодати „и капли не сошло на его жизнь; нужда и горе сокрушили „тѣло страдальца. Грустно думать: былъ нѣкогда, недавно „даже, милый человѣкъ—и нѣтъ его, и не увидишь ни- „когда, и все кругомъ тебя молчитъ, и самый зовъ сви- „данія иретъ безотвѣтно въ безчувственной дали“. Инте- ресны и слѣдующія строки изъ одного письма Кольцова, какъ живое свидѣтельство того, что значили для этой сим- патической натуры дружескія связи и отношенія. „Не было „еще мучительнѣе въ жизни моей состоянія, какъ въ прош- „ломъ годѣ. Плохое, мучительное дѣло, больной Серебря- „скій—смерть его все довершила. Скажите: въ одну ми- „нуту разломить, что крѣпило нѣсколько лѣтъ—моя лю- „бовь къ нему, прекрасная душа его, желанія, мечты,

Digitized by Google

„стремленія, ожиданія, надежды на будущее—и все вдругъ! „Вмѣстѣ мы съ нимъ росли, вмѣстѣ читали Шекспира, „думали, спорили. И я такъ много былъ ему обязанъ, онъ „черезчуръ меня баловалъ. Вотъ почему я онѣмѣлъ-было „совсѣмъ, и всему хотѣлъ сказать: прощай! и еслибы „не вы, я все бы потерялъ навсегда. Вѣдь меня не очень „увлекала и увлекаетъ блестящая толпа, сходка, общество „людей—конечно, хорошо; но если есть человѣкъ, то „такъ; а безъ него, толпа не много даетъ. Опять я та- „кой человѣкъ, которому надобны сильныя потрясенія; „иначе я—ноль. Никто меня не уничтожитъ съ другою „душою, а собственно мою уничтожитъ всякій".

Такимъ образомъ прошелъ для Кольцова и еще годъ, и горизонтъ его жизни все гуще заволакивался тучами. Свѣтлыя минуты навѣщали его все рѣже и рѣже. „Пророчески „угадали вы мое положеніе (писалъ онъ, въ 1840 году, „въ Петербургъ, къ пріятелю); у меня у самого давно уже „лежитъ на душѣ грустное это сознаніе, что въ Воронежѣ „долго мнѣ не сдоброватъ. Давно живу я въ немъ и гляжу „вонъ какъ звѣрь. Тѣсенъ мой кругъ, грязенъ мой міръ; „горько жить мнѣ въ немъ, и я не знаю, какъ я еще не „потерялся въ немъ давно. Какая-нибудь добрая сила не- „видимо поддерживаетъ меня отъ паденія. И если я не „перемѣню себя, то скоро упаду; это неминуемо, какъ „дважды два четыре. Хоть я и отказалъ себѣ во многомъ, „и частію, живя въ этой грязи, отрѣшилъ себя отъ ней, „но все-таки несовсѣмъ; но все-таки я не вышелъ изъ „нея". Въ это время, Кольцову было сдѣлано изъ Петер-

Digitized by Google

бурга предложеніе принять управленіе книжной лавкою, основанною на акціяхъ. Другое предложеніе было сдѣлано ему А. А. Краевскимъ—принять на себя завѣдываніе конторою „Отечественныхъ Записокъ". Первое предложеніе было ему совершенно не по душѣ. Сумма акцій была незначительная, а онъ былъ убѣжденъ, что начинать какую бы то ни было торговлю можно только съ большимъ капиталомъ, и что иначе поневолѣ выйдетъ или разореніе, или не торговля, а торгашество со всѣми его продѣлками, при одной мысли о которыхъ ему дѣлалось гадко. Кромѣ того, ему ни того, ни другаго предложенія нельзя было принять еще и потому, что, по причинѣ долга въ 20,000, векселя котораго были сдѣланы на его имя, онъ не могъ выѣхать изъ Воронежа противъ воли отца. Разъ какъ-то Кольцовъ зажился въ Москвѣ, и только-что пріѣхалъ домой, какъ его зовутъ въ полицію, по векселю въ 3,000 рублей. Отоздай онъ нѣсколькими днями, и вексель былъ бы посланъ въ Москву, гдѣ онъ не имѣлъ бы никакой возможности расплатиться по немъ. И это было бы дѣломъ отца его. „Онъ человѣкъ простой, купецъ, спекулянтъ, „вышелъ изъ ничего, вѣкъ рожь молотилъ на обухѣ. Такъ „его грудь такъ черства, что его на все достанетъ для „своей пользы и для своей торговли. Настоящій купецъ „устроиваетъ однѣ свои дѣла, а есть ли польза отъ нихъ „другимъ—ему и дѣла нѣтъ, и онъ что только съ рукъ „сойдетъ, все дѣлать во всякую пору готовъ. Мнѣ отъ „него и такъ достается довольно. Чуть мало-мальски что „не такъ, ворчитъ и сердится: вы, говоритъ, все по-книж-

Digitized by Google

„ному да по-печатному, народъ грамотный—ума палата“.— Далѣе: „Вы боитесь за меня, чтобъ я скоро не потерялся. „Это правда, и такая правда, какая она лишь можетъ „быть,—не только черезъ пять лѣтъ, даже и скорѣе, живя „такъ и въ Воронежѣ. Но что жъ дѣлать? Буду жить, пока „живется, работать, пока работается. Сколько могу, столь„ко и сдѣлаю; употреблю всѣ силы, пожертвую сколько могу; „буду биться до конца-края, приведу въ дѣйствіе всѣ завися„щія отъ меня средства. И когда послѣ этого упаду—мнѣ „красивѣть будетъ не передъ кѣмъ, и передъ самимъ со„бою я буду правъ. Другого дѣлать нечего. А что въ „1838 году написалъ такъ много порядочнаго—это потому, „во первыхъ, что я былъ съ вами и съ людьми, которые „меня каждый день настраивали, а во вторыхъ, я почти „ничего не дѣлалъ и былъ праздонъ. Тяготило меня до„смерти одно дѣло, но только одно дѣло, не больше. И я „все еще писалъ такъ мало. А здѣсь кругомъ меня другой „народъ—татаринъ на татаринѣ, жидъ на жидѣ, а дѣлъ— „беремя: стройка дома (которая кончилась съ мѣсяцъ на„задъ), судебныя дѣла, услуги, прислуги, угожденія, по„сѣщенія, счеты, разсчеты, брани, ссоры. И какъ еще „я пишу? И для чего пишу?—для васъ, для васъ однихъ: „а здѣсь я за писанія терплю одни оскорбленія. Всякій „подлецъ такъ на меня и лѣзетъ, дискать писакѣ-то и „крылья ошибить... Это меня часто смѣшитъ, когда ка„кой нибудь чудакъ пѣтушится“.

Осенью 1840 года, снова предетавился Кольцову случай ѣхать въ Москву и Петербургъ. Хотя это было по двумъ

Digitized by Google

тяжебнымъ дѣламъ, однако онъ былъ радъ и имъ, какъ случаю вырваться изъ Воронежа и увидѣться съ людьми родными ему по чувству и по мысли. Это была его послѣдняя поѣздка. Московскій другъ его давно уже жилъ въ Петербургѣ, и по пріѣздѣ сюда, Кольцовъ остановился у него и прожилъ съ нимъ около трехъ мѣсяцевъ. Одно дѣло его было проиграно. Надо было спѣшить въ Москву поправить и спасти другое, самое важное. Такъ-какъ изъ Москвы ему надо было ѣхать домой, то онъ отправился въ нее съ тоскою. Его мучили тяжкія предчувствія, которыя и не обманули его. Мысль о возвращеніи въ Воронежъ ужасала его. Онъ уже колебался, не остаться ли ему въ Петербургѣ навсегда, кончивши дѣло въ Москвѣ; но остаться безо-всего, съ одними своими средствами, начать снова поприще лавочнаго сидѣльца, прикащика, мелкаго торгаша— одна мысль объ этомъ приводила его въ бѣшенство. Онъ все надѣялся, что отецъ дастъ ему тысячъ десять денегъ, на условіи отказаться отъ дома и всякаго другаго наслѣдства, и что съ этимъ небольшимъ капиталомъ онъ найдетъ возможность пристроиться въ Петербургѣ и вести въ немъ тихую жизнь, зарывшись въ книги и учась всему, чему не могъ учиться въ свое время. Изъ Москвы онъ писалъ къ своему пріятелю: „Ахъ! еслибы къ вамъ скорѣе? Еслибъ „вы знали, какъ не хочется ѣхать домой—такъ холодомъ „и обдаетъ при мысли ѣхать туда, а надо ѣхать,—необ„ходимость, желѣзный законъ“. Дѣло его въ Москвѣ кончилось хорошо, чѣмъ, какъ и въ прежнихъ дѣлахъ, онъ особенно былъ обязанъ благородному участію князя П. А.

Digitized by Google

Вяземскаго, снабжавшаго его рекомендательными письмами къ особамъ, доступъ къ которымъ иначе былъ бы для него невозможенъ. Новый годъ встрѣтилъ онъ шумно и весело, въ кругу своихъ московскихъ друзей и знакомыхъ. Время шло, а онъ все жилъ въ Москвѣ. „Не хочется ѣхать „(писалъ онъ), да и только. Вотъ пришло время — и домъ „и родные не полюбились наконецъ. И еслибъ была какая-„нибудь возможность жить въ Питерѣ — я бы прямо маршъ, „и остался бы въ немъ навсегда. Но безъ средствъ этого „сдѣлать нельзя, — и я ѣду домой. И эта поѣздка много „похожа на ловлю сурковъ: ихъ изъ земли выливаютъ во-„дой, а меня нужда посылаетъ голодомъ. Я писалъ къ „отцу по окончаніи дѣла, чтобы онъ прислалъ мнѣ денегъ. „Старикъ мой говоритъ: денегъ нѣтъ тебѣ ни копейки, а „что дѣло кончилось хорошо, мнѣ все равно, хотя бы кон-„чилось и дурно. Мнѣ 68 лѣтъ и жить осталось меньше „чѣмъ вамъ. Я даже слышалъ, что ты хочешь остаться „въ Питерѣ — съ Богомъ, во святой часъ. Благословеніе „дамъ, а больше ничего. — Я прочелъ сіи родительскія „строки и сказалъ: вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день! „Спросите, отчего это такъ сдѣлалось? А вотъ отчего: „дѣло кончилось послѣднее и самое гадкое; слѣдственно, „его кредитъ теперь очищенъ совершенно. Прежде онъ „боялся полиціи, и потому любилъ меня до изступленія; а „теперь она ему не страшна — и домъ его, и все у него „въ рукахъ: такъ я, выходитъ, стали ему не нуженъ.. „Эта новость, и особенно эта неблагодарность, срѣзали „меня глубоко. Вотъ отчего я такъ долго живу въ Москвѣ

Digitized by Google

„и не ѣду домой, и ѣхать не хочется, и не пишу къ вамъ. „Я думалъ сначала махнуть въ Питеръ; но какъ прохва„тилъ меня голодъ, я и присѣлъ—и хорошо сдѣлалъ“.

По возвращеніи домой, Кольцовъ нашелъ, по обыкновенію, всѣ дѣла въ упадкѣ и разстройствѣ, благодаря старческой мудрости и опытности, и принялся ихъ устроивать. Отецъ, принялъ его холодно, и едва согласился давать ему тысячу рублей въ годъ изъ семи тысячъ, которыя долженъ былъ приносить домъ, въ ожиданіи чего, Кольцовъ долженъ былъ жить и трудиться безъ копейки въ карманѣ,—онъ, которому одному все семейство было обязано своимъ благосостояніемъ... Тогда имъ овладѣла одна мысль—устроивши дѣла, ѣхать въ Петербургъ, куда отецъ отпускалъ его охотно, уплативши всѣ долги по векселямъ на имя сына и рѣшившись прекратить торговлю скотомъ. Но въ это время, Кольцовъ началъ себя дурно чувствовать, и на страстной недѣлѣ чуть не умеръ, но однакожь кое-какъ оправился. Къ счастію, докторъ его былъ человѣкъ благородный и симпатичный, который лѣчилъ его болѣе изъ личнаго расположенія къ нему, нежели изъ разсчета; онъ зналъ впередъ, что получитъ безденежно, а занимался своимъ паціентомъ съ дружескимъ участіемъ. Во время самыхъ сильныхъ припадковъ болѣзни, Кольцовъ говорилъ ему: „Докторъ, если моя болѣзнь неизлѣчима, если вы только протягиваете жизнь, то прошу васъ не тянуть ея. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, и вамъ меньше хлопотъ“. Докторъ ручался за его излѣченіе: „Когда такъ, будемъ лѣниться“. Что терпѣлъ Кольцовъ, во время болѣзни, отъ близкихъ

Digitized by Google

и кровныхъ, за исключеніемъ матери, принимавшей къ немъ искреннее участіе, о томъ страшно и подумать... Это усилило разстройство его здоровья. Но тутъ, какъ нарочно, судьба-предательница послала ему жизнь и радость, можно сказать, блаженство, за которое онъ дорого долженъ былъ расплатиться. Страстною любовью озарился восходъ его жизни; пышнымъ, багрянымъ, но зловѣщимъ блескомъ страстной любви озарился и закатъ его жизни. Закрывъ глаза на все, полною чашею, съ безумною жадностью, пилъ нашъ страдалецъ отравительные восторги. На бѣду его, эта женщина была совершенно по немъ—красавица, умна, образована, и ея организація вполнѣ соотвѣтствовала его кипучей, огненной натурѣ. Нужда заставила ее разстаться съ нимъ. Еще до этой разлуки, онъ уже почувствовалъ ослабленіе во всемъ организмѣ своемъ; вскорѣ открылась болѣзнь. Знакомый ему докторъ снова помогъ ему; но вслѣдъ за тѣмъ, открылась боль въ груди, слабость во всемъ тѣлѣ, по ночамъ сильная испарина, разстройство желудка и желудочный кашель. По совѣту доктора, Кольцовъ, поѣхалъ на дачу къ одному изъ своихъ родственниковъ, чтобы тамъ купаться въ Дону. Это его немного поправило; но осень наступила прежде, нежели онъ успѣлъ кончить курсъ своего купанья, и надо было прекратить его. Вслѣдъ за тѣмъ сдѣлалось воспаленіе въ почкахъ; но даже и послѣ этого онъ все-таки сталъ оправляться. До сихъ поръ онъ ничего не читалъ, не писалъ, ни о чемъ не думалъ, кромѣ лѣкарства, лѣченья, обѣда и ужина; но тутъ опять припался за свои занятія, воскресъ нравственно. Нельзя не

Digitized by Google

дивиться силѣ духа этого человѣка. Правда, онъ надѣялся выздоровѣть, и не хотѣлось ему умереть; но возможность смерти онъ видѣлъ ясно и смотрѣлъ на нее прямо, не мигая глазами. Вотъ слова, которыми онъ заключаетъ письмо свое къ двоимъ изъ друзей своихъ въ Петербургъ: „Ну, „теперь, милые мои, пришло сказать: прощайте—на долго „ли?—не знаю. Но какъ-то это слово горько отозвалось въ „душѣ моей. Но еще—прощайте, и въ третій разъ про„щайте. Еслибъ я былъ женщина, хорошая бы пора пла„кать. Минута грусти, побудь хоть ты со мною подольше!“ А между тѣмъ, все письмо проникнуто бодростію духа, надеждою и даже веселостію...

Но это выздоровленіе было только отсрочкою смерти. Для возстановленія его здоровья нужно было прежде всего спокойствіе, а между тѣмъ его ежедневно, ежеминутно оскорбляли, мучили, дразнили какъ дикаго звѣря въ клѣткѣ. Иногда ему не на что было купить лѣкарства; иногда у него не было ни чаю, ни сахару, ни свѣчей, а иногда мать его только украдкою отъ отца могла доставлять ему обѣдъ и ужинъ. Отецъ требовалъ, чтобы онъ жилъ вмѣстѣ съ ними, гдѣ ему не было бы покою ни на минуту. Онъ перешелъ въ мезонинъ, который цѣлую зиму не топился,—ему отказано было въ дровахъ, и онъ добывалъ ихъ по ночамъ, какъ воръ. Узнавши объ этомъ, ему обѣщали выгнать его по шеѣ изъ дому... Дѣлать было нечего, и онъ перешелъ внизъ. Разъ въ сосѣдней комнатѣ, у сестры его много было гостей, и они затѣяли игру: поставили на середину комнаты столъ, положили на него дѣвушку, накры-

Digitized by Google

ли ее простынею и начали хоромъ пѣть вѣчную память рабу Божію Алексѣю... Это была невинная шутка...

Вскорѣ послѣдовала свадьба сестры. „Все начало хо„дить и бѣгать черезъ мою комнату; полы моютъ то и „дѣло, а сырость для меня убійственна. Трубки, благово„нія курятъ каждый день; для моихъ разстроенныхъ лег„кихъ все это плохо. У меня опять образовалось воспа„леніе, сначала въ правомъ боку, потомъ въ лѣвомъ, про„тиву сердца, довольно опасное и мучительное. И здѣсь„то я струсилъ, не на шутку. Нѣсколько дней жизнь ви„сѣла на волоскѣ. Лѣкарь мой, несмотря на то, что я ему „очень мало платилъ, пріѣзжалъ три раза въ день. А въ „эту пору, у насъ вечеринки каждый день—шумъ, крикъ, „бѣготня, двери до полночи въ моей комнатѣ ни минуты „не стоятъ на петляхъ. Прошу не курить,—курятъ боль„ше; прошу не благовонить—больше; прошу не мыть по„ловъ—моютъ“. Все это потомъ кое-какъ уладилось; свадьба кончилась; больной, для спасенія жизни, прибѣгъ къ хитрости и со всѣми перемирился, попросивши у всѣхъ извиненія за мерзости, которыя съ нимъ дѣлали; его оставили въ покоѣ, и онъ увидѣлъ себя точно въ раю. „Я те„перь, слава Богу, живу покойно, смирно. Они меня не „безпокоятъ. Въ комнатѣ тишина; самъ большой, самъ стар„шой. Съ отцемъ вижусь рѣдко; онъ меня не оскорбляетъ „больше пока, и я имъ доволенъ. Обѣдъ готовятъ поря„дочный. Чай есть, сахаръ тоже, а мнѣ пока больше ни„чего не нужно. Здоровье мое стало лучше. Началъ про„хаживаться, и два раза былъ въ театрѣ. Лѣкарь увѣ-

Digitized by Google

„ряетъ, что я въ постъ не умру, а весной меня вылѣчитъ. „Но силъ, не только духовныхъ, и физическихъ еще нѣтъ; „памяти тоже. Волоса начали расти; съ лица зелень со„шла, глаза чисты“. Въ заключеніе письма, говоря о своемъ нравственномъ состояніи, онъ прибавляетъ: „Что, если „и выздоровѣвши, такимъ останусь? — Тогда прощайте, „друзья, Москва и Петербургъ! Нѣтъ, дай Господи уме„реть, а не дожить до этого полнаго состоянія. Или „жить для жизни, или — маршъ на покой!“

Мысль о переѣздѣ въ Петербургъ съ новою силою воскресла въ немъ, какъ скоро началъ онъ себя чувствовать лучше. Онъ только ждалъ для этого совершеннаго выздоровленія. Но и тутъ внутри его происходила страшная борьба, которую мы перескажемъ его собственными словами: „Какъ вы скажете: удержаться ли въ Воронежѣ „дома, бросить ли все, ѣхать въ Петербургъ. Удерживать„ся дома — житье мнѣ будетъ плохое. Но все старикъ меня, „какъ ни говори, а со двора не сгонитъ. У меня много „здѣсь людей хорошихъ, которымъ я еще ни слова. Про „это знаетъ дѣкарь и тотъ, у кого я жилъ на дачѣ; ска„жи я имъ, они помогутъ. Съ старикомъ уладиться лег„ко — жениться, и онъ будетъ ко мнѣ хорошъ. Но за то, „надо взять тамъ, гдѣ ему будетъ угодно. Это значитъ по„жертвовать собой, сгубить женщину и себя. Ѣхать въ „Питеръ — онъ не дастъ ни гроша. Ну, положимъ, я най„дусь туда пріѣхать; у меня есть вещей рублей на три„ста; этого достаточно. Но пріѣхавши туда, что я буду „дѣлать? Наняться въ прикащики? не могу; отъ себя за-

Digitized by Google

„ниматься?—не на что. Положить надежду на мои сти-„шонки: что за нихъ дадутъ! И что за нихъ буду получать „въ годъ—пустяки: на сапоги, на чай, и только. Талантъ „мой—надо говорить правду—особенно теперь въ рѣ-„шительное время, талантъ мой пустой. Нѣсколько пѣсе-„нокъ въ годъ—дрянь. За нихъ много не дадутъ. Писать „въ прозѣ не умѣю, а мнѣ тридцать три года. Вотъ мое „положеніе. Пожалуйста напишете мнѣ ваше мнѣніе; я имъ „дорожу болѣе всего.—В. Г. пишетъ: ѣхать. Да боюсь, „страшно. Я, живя на свѣтѣ, хорошаго не видалъ, или ви-„дѣлъ, да не много, да и то живя въ Москвѣ и Питерѣ, а „въ Воронежѣ, не помню, когда. Что если въ сорокъ лѣтъ „придется нищенствовать?—Плохо!“

Послѣднее письмо, которое мы получили отъ Кольцова, было отъ 27-го февраля 1842 года. Лѣтомъ мы писали къ нему, но отвѣта не было; а осенью мы получили изъ Воронежа, отъ незнакомыхъ намъ людей, извѣстіе о его смерти... Поэтому, подробностей о послѣднемъ времени его жизни мы не знаемъ, и только можемъ предполагать, что это была продолжительная агонія, страданіе, мученичество... Онъ умеръ 19 октября 1842 года, въ три часа по полудни, на тридцать-четвертомъ году отъ рожденія.

Digitized by Google

РАЗМОЛВКА.

Теперь яснѣй
Ужь вижу я:
Огонь любви
Давно потухъ
Въ груди твоей.
Бывало ты —
Сестра и другъ;
Бывало ты —
Совсѣмъ не та!
А нынче — грѣхъ
И вымолвить,
Какъ ты со мной
Суха, дика
И сумрачна!
Незваный гость,
Долой съ двора!
Немилый другъ,
Не знай меня!
Ахъ, радъ не радъ —
Пришлось и мнѣ
Сказать съ слезой:
Прости, прощай,
Любезный другъ
И недругъ мой!

Digitized by Google

ПУТНИКЪ.

Сгустились тучи, вѣтеръ вѣетъ,
Трава пустынная шумитъ;
Какъ черный пологъ, ночь виситъ,
И даль простран[illegible] чернѣетъ;
Лишь тамъ, въ дали степи обширной,
Какъ тайный лучъ звѣзды призывной,
Зажженъ случайною рукой,
Горитъ огонь во тьмѣ ночной.
Унылый путникъ, запоздалый
Одинъ среди глухихъ степей,
Плетусь къ ночлегу; на своей
Кляченкѣ тощей и усталой
Держу я путь къ тому огню;
Ему я радъ, какъ счастья дню.
И кто такъ пристально, средь ночи,
Вперялъ на дѣву страстны очи,
Кто, не смыкая зоркихъ глазъ,
Кто такъ стерегъ условный часъ,
Какъ я, съ походною торбою,
Трясясь на клячѣ чуть живой,
Встрѣчалъ огонь во тьмѣ ночной?
То нашъ очагъ горитъ звѣздою,
То спѣетъ каша степняка,
Подъ пѣснь родную чумака! . . .

ЛЮДИ ДОБРЫЕ, СКАЖИТЕ.

Люди добрые, скажите,
Люди добрые, не скройте:

Digitized by Google

Гдѣ мой милый? Вы молчите!
Злую ль тайну вы храните?

За далекими ль горами
Онъ живетъ одинъ, тоскуя?
За степями ль, за морями
Счастливъ съ новыми друзьями?

Вспоминаетъ ли порою:
Чья любовь къ нему до гроба?
Иль, забывъ меня, съ другою
Связанъ клятвой вѣковою?

Иль ужь ранняя могила
Приняла его въ объятья?
Чья жь слеза ее кропила?
Чья душа о немъ грустила?

Люди добрые, скажите,
Люди добрые, не скройте:
Гдѣ мой милый? Вы молчите!
Злую тайну вы храните!

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Что душу въ юности плѣнило,
Что сердце въ первый разъ
Такъ пламенно, такъ нѣжно полюбило —
И полюбило не на часъ,
То все я силюся предать забвенью,
И сердцу пылкому и страстному томленью
Хочу другую цѣль найтить,
Хочу другое такъ же полюбить!

Digitized by Google

Напрасно все: тѣнь прежней милой
Нельзя забыть! . . . . .
Уснешь — непостижимой силой
Она тихонько къ ложу льнетъ,
Печально руку мнѣ даетъ,
И сладкою мечтой вновь сердце очаруетъ,
И очи томныя къ моимъ очамъ прикуетъ! . . .
И вновь любви привѣтный гласъ
Я внемлю страждущей душою. . .
Когда жь ударитъ часъ
Забвенья о тебѣ, иль вѣчности съ тобою? . . .

СОВѢТЪ СТАРЦА.

Скучно съ жизнью старческой,
Скучно, други, въ мірѣ жить;
Грустно, среди пиршества,
О могилѣ взгадывать,
И съ сѣдою мудростью
Къ ней, наморщась, двигаться.
Поспѣшайте жь, юноши,
Наслаждаться жизнію!
Отпируйте въ радости
Праздникъ вашей юности!
Много ль разъ роскошная,
Въ годъ, весна является?
Много ль разъ долинушку
Убираетъ зеленью,
Муравою бархатной,
Парчой раззолоченой?

Digitized by Google

Не одно ль мгновенiе
И веснѣ и юности?..

КЪ НЕЙ.

Опять тоску, опять любовь
Въ моей душѣ ты заронила,
И прежнее, былое вновь
Привѣтнымъ взоромъ оживила.
Ахъ! для чего мнѣ пламенѣть
Любовью сердца безнадежной?
Мой кроткiй ангелъ, другъ мой нѣжной,
Не мой удѣлъ тобой владѣть!
Но я любимъ, любимъ тобою!
О, для чего же намъ судьбою
Здѣсь не даны въ удѣлъ благой,
На зло надменности людской,
Иль счастье, иль одна могила!
Ты жизнь моя, моя ты сила!
Горю огнемъ любви святымъ;
Довѣрься жь, хоть на мигъ, моимъ
Объятiямъ! я не нарушу
Священныхъ клятвъ—мнѣ грудь хранитъ,
И, вѣрь, страдальческую душу
Преступное не тяготитъ.

КОЛЬЦО.

Я затеплю свѣчу
Воску ярова,

Digitized by Google

Распаяю кольцо
Друга милова.

Загорись, разгорись
Роковой огонь,
Распаяй, растопи
Чисто золото.

Безъ него, для меня
Ты не надобно;
Безъ него на рукѣ —
Камень на сердцѣ.

Что взгляну, то вздохну,
Затоскуюся,
И зальются глаза
Горькимъ горемъ слезъ.

Возвратится ли онъ?
Или вѣсточкой
Оживитъ ли меня
Безутѣшную?

Нѣтъ надежды въ душѣ.
Ты разсыпься же
Золотой слезой,
Память милова!

Невредимо, черно
На огнѣ кольцо,
И звенитъ по столу
Память вѣчную.

Digitized by Google

ПѢСНЯ СТАРИКА.

Осѣдлаю коня,
Коня быстрова,
Я помчусь, полечу
Легче сокола.

Чрезъ поля, за моря,
Въ дальню сторону:
Догоню, ворочу
Мою молодость!

Приберусь — и явлюсь
Прежнимъ молодцомъ,
И приглянусь опять
Краснымъ дѣвицамъ!

Но, увы, нѣтъ дорогъ
Къ невозвратному!
Никогда не взойдетъ
Солнце съ запада!

ПѢСНЯ ПАХАРЯ.

Ну, тащися, сивка,
Пашней десятиной,
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.

Красавица зорька
Въ небѣ загорѣлась,
Изъ большова лѣса
Солнышко выходитъ.

Digitized by Google

Весело на пашнѣ,
Ну! тащися, сивка!
Я самъ-другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ.

Весело я лажу
Борону и соху,
Телѣгу готовлю,
Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю.
Ну! тащися, сивка!

Пашенку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Зернушку сготовимъ
Колыбель святую.

Его вспоитъ, вскормитъ
Мать земля сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка —
Ну! тащися, сивка!

Выйдетъ въ полѣ травка —
Выростетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.

Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы;
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ!

Digitized by Google

Ну! тащися, сивка!
Накормлю досыта,
Напою водою,
Водой ключевою.

Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ — мое богатство!

ПѢСНЯ.

Ты не пой, соловей,
Подъ моимъ окномъ;
Улети ты въ лѣса
Моей родины.

Полюби ты одно
Души-дѣвицы;
Прощебечь нѣжно ей
Про мою тоску.

Ты скажи, какъ безъ ней
Сохну, вяну я,
Что трава на степи
Передъ осенью.

Безъ нея, ночью, мнѣ
Мѣсяцъ сумраченъ;
Среди дня, безъ огня
Ходитъ солнышко.

Digitized by Google

Безъ нея, кто меня
Приметъ ласково?
На чью грудь, отдохнуть,
Склоню голову?

Безъ нея, на чью рѣчь
Улыбнуся я?
Чья мнѣ пѣснь, чей привѣтъ
Будетъ по сердцу?

Чтожь поешь, соловей,
Подъ моимъ окномъ?
Улетай, улетай
Къ душѣ-дѣвицѣ!

УДАЛЕЦЪ.

Мнѣ ли, молодцу,
Разудалому,
Зиму-зимскую
Жить за печкою?

Мнѣ ль поля пахать?
Мнѣ ль траву косить,
Затоплять овинъ,
Молотить овесъ?

Мнѣ поля — не другъ,
Коса — мачиха,
Люди добрые —
Не сосѣди мнѣ.

Digitized by Google

Еслибъ молодцу
Ночь да добрый конь,
Да булатный ножъ,
Да темны лѣса!

Снаряжу коня,
Наточу булатъ,
Заткну чекмень,
Полечу въ лѣса:

Стану въ тѣхъ лѣсахъ
Вольной волей жить,
Удалой башкой
Въ околодкѣ слыть.

Съ кѣмъ дорогою
Сойдусь, съѣдусь ли,—
Всякій молодцу
Шапку до земли!

Оберу купца,
Убью встрѣчнаго
Мужика-глупца
За желѣзный грошъ!

Но не грѣхъ ли мнѣ
Будетъ отъ Бога
Обижать людей
За ихъ доброе?

Въ церкви попъ Иванъ
Міру гуторитъ,
Что душой за кровь
Злодѣй платится. . .

Digitized by Google

Лучше жъ воиномъ,
За царевъ законъ,
За крещеный міръ,
Сложить голову! . . .

НЕ ШУМИ ТЫ, РОЖЬ.

Не шуми ты, рожь,
Спѣлымъ колосомъ!
Ты не пой, косарь,
Про широку степь!

Мнѣ не для чего
Собирать добро,
Мнѣ не для чего
Богатѣть теперь!

Прочилъ молодецъ,
Прочилъ доброе,
Не своей душѣ —
Душѣ-дѣвицѣ.

Сладко было мнѣ
Глядѣть въ очи ей,
Въ очи, полныя
Полюбовныхъ думъ!

И тѣ ясныя
Очи стухнули,
Спитъ мотильнымъ сномъ
Красна-дѣвица!

Digitized by Google

Тяжелѣй горы,
Темнѣй полночи
Легла на сердце
Дума черная!

КРЕСТЬЯНСКАЯ ПИРУШКА.

Ворота тесовы
Растворилися,
На коняхъ, на саняхъ
Гости въѣхали;
Имъ хозяинъ съ женой
Низко кланялись;
Со двора повели
Въ свѣтлу горенку.
Передъ Спасомъ святымъ
Гости молятся;
За дубовы столы,
За набраные,
На сосновыхъ скамьяхъ,
Сѣли званые.
На столахъ, куръ, гусей
Много жареныхъ,
Пироговъ, ветчины
Блюда полныя.

Бахрамой, кисеёй
Принаряжена,
Молодая жена,
Чернобровая,
Обходила подругъ

Digitized by Google

Съ поцѣлуями,
Разносила гостямъ
Чашу горькова.
Самъ хозяинъ, за ней,
Брагой хмѣльною
Изъ ковшей вырѣзныхъ
Родныхъ подчуетъ;
А. [illegible]ая доля
Медомъ сыченымъ
Обносила кругомъ,
Съ лаской дѣвичей.
Гости пьютъ и ѣдятъ,
Рѣчи гуторятъ
Про хлѣба, про покосъ,
Про старинушку:
Какъ-то Богъ и Господь
Хлѣбъ уродитъ намъ?
Какъ-то сѣно въ степи
Будетъ зелено?
Гости пьютъ и ѣдятъ,
Забавляются
Отъ вечерней зари
До полуночи.
По селу пѣтухи
Перекликнулись;
Призатихъ говоръ, шумъ
Въ темной горенкѣ;
Отъ воротъ поворотъ
Виденъ по снѣгу.

Digitized by Google

УРОЖАЙ.

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туманъ стелется;

Разгорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ
Выше темя горъ,

Нагустилъ его
Въ тучу черную;
Туча черная
Понахмурилась,

Понахмурилась
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину.

Понесутъ ее
Вѣтры буйные
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлаго.

Ополчается
Громомъ, бурею,
Огнемъ, молніей,
Дугой радугой;

Digitized by Google

Ополчилася —
И расширилась,
И ударила,
И пролилася

Слезой крупною —
Проливнымъ дождемъ
На земную грудь
На широкую.

И съ горы небесь
Глядитъ солнышко,
Напилась воды
Земля досыта.

На поля, сады,
На зеленые,
Люди сельскіе
Не насмотрятся;

Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою;

За-одно съ весной
Пробуждаются
Ихъ завѣтныя
Думы мирныя.

Дума первая:
Хлѣбъ изъ закрома
Насыпать въ мѣшки,
Убирать воза.

Digitized by Google

А вторая ихъ
Была думушка:
Изъ села гужомъ
Въ пору выѣхать.

Третью думушку
Какъ задумали
Богу-Господу
Помолились,

Чѣмъ свѣтъ по полю
Всѣ разъѣхались,
И пошли гулять
Другъ за дружкою,

Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать,
И давай пахать
Землю плугами,

Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьемъ
Порасчёсывать . . .

Посмотрю, пойду,
Полюбуюся,
Что послалъ Господь
За труды людямъ:

Выше пояса
Рожь зернистая
Дремлетъ колосомъ
Почти до земли;

Digitized by Google

Словно божій гость,
На всѣ стороны,
Дню веселому
Улыбается;

Вѣтерокъ по ней
Плыветъ-лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается . . .

Люди семьями
Принялися жать,
Косить подъ корень
Рожь высокую.

Въ копны частыя
Снопы сложены;
Отъ возовъ всю ночь
Скрыпитъ музыка.

На гумнахъ, вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко сидятъ,
Поднявъ головы.

Видитъ солнышко —
Жатва кончена:
Холоднѣй оно
Пошло къ осени;

Но жарка свѣча
Поселянина
Предъ иконою
Божьей Матери.

Digitized by Google

ЦВѢТОКЪ.

Природы милое творенье,
Цвѣтокъ, долины украшенье,
На мигъ взлелѣянный весной,
Безвѣстенъ ты въ степи глухой!

Скажи: зачѣмъ же такъ алѣешь?
Росой заискрясь, пламенѣешь,
И дышешь чѣмъ-то какъ живымъ,
Благоуханнымъ и святымъ,

Ты для кого въ степи широкой,
Ты для кого отъ селъ далеко?
Не для крылатыхъ ли друзей,
Поющихъ въ воздухѣ степей?

Для нихъ ли, въ роскоши, семьями,
Румяной ягодой, цвѣтами,
И обаяньемъ для души,
Вы, травы, зрѣете въ тиши?

О, пой, косарь! зови пѣвицу,
Подругу, красную дѣвицу,
Пока еще, шумя косой,
Не тронулъ ты травы степной!

МОЛОДАЯ ЖНИЦА.

Высоко стоитъ
Солнце на небѣ,
Горячо печетъ
Землю-матушку.

Digitized by Google

Душно дѣвицѣ,
Грустно на полѣ,
Нѣтъ охоты жать
Колосистой ржи.

Всю сожгло ее
Поле жаркое,
Горитъ-гормо все
Лицо бѣлое;

Голова со плечъ
На грудь клонится,
Колосъ срѣзанный
Изъ рукъ валится.

Неспроста-ума
Жница жнетъ—не жнетъ,
Глядитъ въ сторону,
Забывается.

Охъ, болитъ у ней
Сердце бѣдное,
Зарокилось въ немъ
Небывалое!

Она шла вчера —
Нерабочимъ днемъ,
Лѣсомъ шла-себѣ
По малинушку;

Повстрѣчался ей
Добрый молодецъ;
Ужь не въ первый разъ
Повстрѣчался онъ.

Digitized by Google

Повстрѣчается
Будто нехотя,
И стоитъ, глядитъ
Какъ-то жалобно.

Онъ вздохнулъ, запѣлъ
Пѣсню грустную —
Далеко въ лѣсу
Раздалась та пѣснь;

Глубоко въ душѣ
Красной дѣвицы
Озвалась она
И запала въ ней . . .

Душно, жарко ей,
Грустно на полѣ,
Нѣтъ охоты жать
Колосистой ржи . . .

ПѢСНЯ.

Перстенечикъ золотой,
Ненаглядный, дорогой!
Свѣтлой памятью любви,
Въ очи черныя гляди.

Если грустно будетъ ей —
Ты потусклѣй, почернѣй;
Если радость — измѣнись,
Весь алмазомъ разгорись!

Digitized by Google

День забвенья ли придетъ,
Душа чувство изживетъ:
Тогда, перстень золотой,
Почернѣй ты самъ-собой!

КОСАРЬ.

Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю
Отчего же такъ
Не возьму я въ толкъ?
Охъ, въ несчастный день,
Въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я
Родился на свѣтъ.
У меня ль плечо
Шире дѣдова,
Грудь высокая —
Моей матушки,
На лицѣ моемъ
Кровь отцовская
Въ молокѣ зажгла
Зорю красную,
Кудри чорныя
Лежатъ скобою,
Что работаю —
Все мнѣ спорится;
Да въ несчастный день,
Въ безталанный часъ,
Безъ сорочки я

Digitized by Google

Родился на свѣтъ!
Прошлой осенью,
Я за Грунюшку,
Дочку старосты,
Долго сватался;
А онъ, старый хрѣнъ,
Заупрямился!
За кого же онъ
Выдастъ Грунюшку —
Не возьму я въ толкъ,
Не придумаю.
Я ль за тѣмъ гонюсь,
Что отецъ ея
Богачомъ слыветъ?
Пускай домъ его —
Чаша полная,
Я ее хочу,
Я по ней крушусь:
Лицо бѣлое,
Заря алая
Щеки полныя,
Глаза темные
Свели молодца
Съ ума-разума.
Ахъ, вчера по мнѣ
Ты такъ плакала!
Наотрѣзъ старикъ
Отказалъ вчера.
Охъ, не свыкнуться
Съ этой горестью! . . .

Digitized by Google

Я куплю себѣ
Косу новую;
Отобью ее,
Наточу ее —
И прости-прощай
Село родное!
Не плачь, Грунюшка:
Косой востроюо
Не подрѣжусь я.
Ты прости, село,
Прости, староста:
Въ края дальніе
Пойдетъ молодецъ.
Что внизъ по Дону,
По набережью,
Хороши стоятъ
Тамъ слободушки!
Степь раздольная
Далеко вокруръ,
Широко лежитъ,
Ковылемъ-травой
Разстилается!
Ахъ ты, степь моя,
Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ Морю-черному
Понадвинулась!
Въ гости я къ тебѣ
Не одинъ пришелъ.

Digitized by Google

Я пришелъ самъ-другъ
Съ косой вострою;
Мнѣ давно гулять
По травѣ степной,
Вдоль и поперекъ.
Съ ней хотѣлося . . .

Разгуляйся, плечо!
Размахнись, рука!
Ты пахни въ лицо,
Вѣтеръ съ полудня!
Освѣжи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Засверкай кругомъ!
Зашуми, трава
Подкошѐная;
Поклонись, цвѣты,
Головой землѣ!
Наряду съ травой
Вы засохните,
Какъ по Груняѣ я
Сохну, молодецъ!
Натребу копенъ,
Намечу стоговъ —
Дастъ казачка мнѣ
Денегъ пригоршни.
Я зашью казну,
Сберегу казну,
Ворочусь въ село —

Digitized by Google

Прямо къ старостѣ,
Не разжалобить
Его бѣдностью —
Такъ разжалоблю
Золотой казной!

РАЗДУМЬЕ СЕЛЯНИНА.

Сяду я за столъ
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?

Нѣтъ у молодца
Молодой жены,
Нѣтъ у молодца
Друга вѣрнова,

Золотой казны,
Угла теплова,
Бороны-сохи,
Коня-пахаря!

Вмѣстѣ съ бѣдностью,
Далъ мнѣ батюшка
Лишь одинъ таланъ —
Силу крѣпкую.

Да и ту, какъ разъ,
Нужда горькая
По чужимъ людямъ
Всю истратила.

Digitized by Google

Сяду я за столъ —
Да подумаю:
Какъ на свѣтѣ жить
Одинокому?

ЛѢСЪ.

(Памяти А. С. Пушкина).

Что дремучій лѣсъ
Призадумался?
Грустью темною
Затуманился?

Что Бова-силачъ
Заколдованный,
Съ непокрытою
Головой въ бою,

Ты стоишь — поникъ,
И не ратуешь
Съ мимолетною
Тучей-бурею?

Густолиственный
Твой зеленый шлемъ
Буйный вихрь сорвалъ —
И развѣялъ въ прахъ;

Плащъ упалъ къ ногамъ
И разсыпался . . .
Ты стоишь — поникъ,
И не ратуешь.

Digitized by Google

Съ богатырскихъ плечъ
Сняли голову
Не большой горой
А соломенкой.

ГОРЬКАЯ ДОЛЯ.

Соловьемъ залетнымъ
Юность пролетѣла,
Волной въ непогоду
Радость прошумѣла.

Пора золотая
Была, да сокрылась;
Сила молодая
Съ тѣломъ износилась.

Отъ кручины-думы
Въ сердцѣ кровь застыла;
Что любилъ, какъ душу—
И то измѣнило.

Какъ былинку, вѣтеръ
Молодца шатаетъ;
Зима лицо знобитъ,
Солнце — сожигаетъ.

До поры, до время,
Всѣмъ я весь казался,
И кафтанъ мой синій
Съ плечъ долой свалился!

Digitized by Google

Безъ любви, безъ счастья
По міру скитаюсь,
Разойдуся съ бѣдою,
Съ горемъ повстрѣчаюсь.

На крутой горѣ
Рось зеленый дубъ,
Подъ грозой теперь
Онъ лежитъ, тлѣетъ.

ПЕРВАЯ ПѢСНЯ
ЛИХАЧА КУДРЯВИЧА.

Съ радости-веселья
Хмѣлемъ кудри вьются;
Ни съ какой заботы
Онѣ не сѣкутся.

Ихъ не гребень чешетъ,
Золотая доля
Завиваетъ въ кольцы
Молодецка удаль.

Не родись богатымъ,
А родись кудрявымъ
По щучью велѣнью
Все тебѣ готово.

Чего душа хочетъ
Изъ земли родится;
Со всѣхъ сторонъ прибыль
Ползетъ и валится.

Digitized by Google

Что шутя задумалъ —
Пошла шутка въ дѣло;
А тряхнулъ кудрями —
Въ одинъ мигъ поспѣло.

Не возьмутъ гдѣ лоскомъ,
Возьмутъ кудри силой;
А что худо — смотришь,
По водѣ поплыло!

Любо жить на свѣтѣ
Молодцу съ кудрями,
Весело на бѣломъ
Съ чорными бровями!

Во время, да въ пору,
Медомъ рѣчи льются:
И съ утра до ночи
Пѣсенки поются.

Про тѣ рѣчи, пѣсни
Дѣвушки всѣ знаютъ —
И о кудряхъ, зиму
Ночь не спятъ, гадаютъ.

Честь и слава кудрямъ!
Пусть ихъ волосъ вьется —
Съ ними все на свѣтѣ
Ловко удается!

Не подъ шапку горе
Головѣ кудрявой.
Разливайтесь, пѣсни!
Ходи, парень, браво!

Digitized by Google

ВТОРАЯ ПѢСНЯ

ЛИХАЧА КУДРЯВИЧА.

Въ золотое время
Хмѣлемъ кудри вьются;
Съ горести-печали
Русыя сѣкутся.

Ахъ, сѣкутся кудри!
Любитъ ихъ забота;
Полюбитъ забота —
Не чешетъ и гребень!

Не родись въ сорочкѣ,
Не родись таланливъ:
Родись терпѣливымъ
И на все готовымъ.

Вѣкъ прожить — не поле
Пройдти за сохою;
Кручину, что тучу
Не уноситъ вѣтромъ.

Зла бѣда — не буря —
Горами качаетъ,
Ходитъ невидимкой,
Губитъ безъ разбору.

Отъ ея напасти
Не уйдти на лыжахъ:
Въ чистомъ полѣ найдетъ,
Въ темномъ лѣсѣ сыщетъ;

Digitized by Google

Чуешь только сердцемъ:
Придетъ, сядетъ рядомъ,
Объ руку съ тобою,
Пойдетъ и поѣдетъ . . .

И щемитъ, и ноетъ,
Болитъ ретивое:
Все — изъ рукъ вонъ — плохо,
Нѣтъ ни въ чемъ удачи.

То — скосило градомъ,
То — сняло пожаромъ;
Чистъ кругомъ и легокъ,
Никому не нуженъ . . .

Къ старикамъ на сходку
Выйдти приневолятъ —
Старыя лаптишки
Безъ онучъ обуешь,

Кафтанишка рваный
На плечи натянешь,
Бороду вскосматишь,
Шапку нахлобучишь,

Тихомолкомъ станешь
За чужія плечи . . .
Пусть не видятъ люди
Прожитова счастья.

Digitized by Google

ПОРА ЛЮБВИ.

Весною степь зеленая
Цвѣтами вся разубрана,
Вся птичками летучими,
Пѣвучими полнымъ полна;
Поютъ онѣ и день и ночь.
То пѣсенки чудесныя!
Ихъ слушаетъ красавица,
И смысла въ нихъ не вѣдаетъ,
Въ душѣ своей не чувствуетъ,
Что пѣсни тѣ волшебныя:
Въ нихъ сила есть любовная. . .
Любовь—огонь; съ огня—пожаръ. . .
Не слушай ихъ, красавица,
Пока твой сонъ, сонъ дѣвичій,
Спокоенъ, тихъ до утра-дня!
Какъ-разъ бѣду наслушаешь:
Въ цвѣту краса загубится,
Лицо твое румяное
Скорѣй платка износится.

Стоитъ она, задумалась,
Дыханьемъ чаръ овѣяна;
Запала въ грудь любовь-тоска,
Нейдетъ съ души тяжолый вздохъ;
Грудь бѣлая волнуется,
Что рѣченька глубокая —
Песку со дна не выкинетъ;
Въ лицѣ огонь, въ глазахъ—туманъ. . .
Смеркаетъ степь, горитъ заря. . .

Digitized by Google

Весной, въ рѣкѣ, при мѣсяцѣ,
Поитъ коня дѣтинушка;
Самъ думаетъ онъ думушку
Про дѣвицу завѣтную:
„Четвертый годъ, какъ я люблю
Меньшую дочь сосѣдскую;
Пойдешь за ней на улицу,
Затѣешь рѣчь сторонкою—
Такъ, нѣтъ, куда! сидитъ, молчитъ.
Пошлешь къ отцу посвататься—
Сѣдой старикъ сѣсивится:
Нельзя никакъ—жди череду.

„Болитъ моя головушка,
Щемитъ въ груди ретивое,
Печаль моя всесвѣтная,
Пришла бѣда незваная,
Какъ съ плечъ свалить—не знаю самъ.
И сила есть—да воли нѣтъ;
Наружѣ кладъ—да взять нельзя:
Заклялъ его обычай нашъ;
Ходи, гляди, да мучайся,
Толкуй съ башкой порожнею. . .

„Возьму жь я ржи двѣ четверти:
Поѣду жь я на мельницу;
Про мельника слухъ носится,
Что мастеръ онъ присушивать.
Скажу ему: Иванъ Кузьмичъ!
Къ тебѣ нужда есть кровная:
Возьми съ меня, что хочешь ты,
Лишь сдѣлай мнѣ—по своему“.

Digitized by Google

Въ селѣ, весной, при мѣсяцѣ,
Спокойно спитъ крещоный міръ;
Вдоль улицы нашъ молодецъ
Идетъ самъ-другъ съ сосѣдкою;
Промежъ себя ведутъ они
О чемъ-то рѣчь хорошую.
Даетъ онъ ей съ руки кольцо —
У ней беретъ себѣ въ обмѣнъ;
А не былъ онъ на мельницѣ,
Иванъ Кузьмичъ не грѣшенъ тутъ.

Ахъ, степь, ты степь зеленая,
Вы, пташечки пѣвучія,
Разнѣжили вы дѣвицу,
Отбили хлѣбъ у мельника!
У васъ весной присуха есть,
Сильнѣй присухъ нашептанныхъ . . .

ПѢСНЯ.

Ахъ, зачѣмъ меня
Силой выдали
За немилова —
Мужа старова?

Небось весело
Теперь матушкѣ
Утирать мои
Слезы горькія!

Digitized by Google

Небось весело
Глядѣть батюшкѣ
На житье-бытье
Горемышное!

Небось сердце въ нихъ
Разрывается,
Какъ приду одна
На великой день;

Отъ дружка дары
Принесу съ собой:
На лицѣ — печаль,
На душѣ — тоску!

Поздно родные,
Обвинять судьбу,
Ворожить, гадать,
Сулить радости!

Пусть изъ-за моря
Корабли плывутъ,
Пущай золото
На полъ сыплется:

Не расти травѣ
Послѣ осени;
Не цвѣсти цвѣтамъ
Зимой по снѣгу!

Digitized by Google

ПОСЛѢДНІЙ ПОЦѢЛУЙ.

Обойми, поцѣлуй,
Приголубь, приласкай,
Еще разъ, поскорѣй,
Поцѣлуй горячѣй.
Что печально глядишь?
Что на сердцѣ таишь?
Не тоскуй, не горюй,
Изъ очей слезъ не лей;
Мнѣ не надобно ихъ,
Мнѣ не нужно тоски . . .
На полгода всего
Мы разстаться должны;
Есть за Волгой село
На крутомъ берегу;
Тамъ отецъ мой живетъ,
Тамъ родимая мать
Сына въ гости зоветъ;
Я поѣду къ отцу,
Поклонюся родной —
И согласье возьму
Обвѣнчаться съ тобой.
Мучитъ душу мою
Твой печальный уборъ;
Для чего ты въ него
Нарядила себя?
Разрядись, уберись
Въ свой нарядъ голубой,
И на плечи накинь

Digitized by Google

Шаль съ каймой росписной;
Пусть играетъ лицо,
Какъ поутру заря,
Пусть сіяетъ любовь
На устахъ у тебя!
Какъ мнѣ мило теперь
Любоваться тобой!
Какъ весна, хороша
Ты, невѣста моя!
Обойми жъ, поцѣлуй,
Приголубь, приласкай,
Еще разъ, поскорѣй,
Поцѣлуй горячѣй!

ИЗМѢНА СУЖЕНОЙ.

Жарко въ небѣ солнце лѣтнее,
Да не грѣетъ меня молодца!
Сердце замерло отъ холода,
Отъ измѣны моей суженой.

Пала грусть тоска тяжолая
На кручинную головушку,
Мучитъ душу мука смертная,
Вонъ изъ тѣла душа просится.

Я пошелъ къ людямъ за помочью:
Люди съ смѣхомъ отвернулися;
На могилу къ отцу, матери —
Не встаютъ они на голосъ мой.

Digitized by Google

Замутился свѣтъ въ глазахъ моихъ,
Я упалъ въ траву безъ памяти. . .
Въ ночь глухую, буря страшная
На могилѣ подняла меня. . .

Въ ночь, подъ бурей, я коня сѣдлалъ;
Безъ дороги въ путь отправился —
Горе мыкать, жизнью тѣшиться,
Съ злою долей перевѣдаться. . .

ПѢСНЯ.

Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ,
Травку колыхаетъ,
Путь, мою дорогу
Пылью покрываетъ.

Выходи жь ты, туча,
Съ страшною грозою,
Обойми свѣтъ бѣлый,
Закрой темнотою.

Молодецъ удалый
Соловьемъ засвищетъ —
Безъ пути, безъ свѣта,
Свою долю сыщетъ.

Что ему дорога,
Тучи громовыя,
Какъ придутъ по сердцу
Очи голубыя!

Digitized by Google

Что ему на свѣтѣ
Доля нелюдская,
Когда его любитъ
Она, молодая!

ДЕРЕВЕНСКАЯ БѢДА.

На селѣ своемъ жилъ молодецъ,
Ничего не зналъ, не вѣдывалъ —
Со друзьями гулялъ, бражничалъ,
По всему селу роскошничалъ.

Въ день воскресный, съ утра до ночи,
Въ хороводѣ пѣсни игрывалъ;
Вмѣстѣ съ дѣвицей-красавицей
Пляски новыя выдумывалъ.

Полюбилъ я эту дѣвушку:
Что душою — больше разумомъ,
Больше поступью павлиною,
Да что рѣчью соловьиною.

Какъ бывало, лѣтомъ, съ улицы,
Мы пойдемъ съ ней рука объ-руку
До двора ея богатова,
До крыльца ея высокова;

Да какъ гляну, противъ зорюшки,
На ея глаза, бровь чорную,
На ея лицо, грудь бѣлую,
Всю монистами покрытую —

Digitized by Google

Аль ни потъ съ лица посыпится,
Аль ни въ грудь душа застукаетъ,
Мѣсяцъ въ облака закроется,
Звѣзды мелкія попрячутся.

Такъ, за полночь съ нею сидючи,
По душѣ мы рѣчь затѣяли:
Поцалуями помолвились,
Другъ за другомъ быть условились.

На погибель мою, староста
За сынка впередъ посватался,
И его казна несмѣтная
Повернула все по-своему.

Тошно, грустно было на сердцѣ —
Какъ изъ церкви мою милую,
При народѣ, взялъ онъ за руку,
Съ похвальбою поклонился мнѣ.

Тошно, грустно было на сердцѣ —
Какъ онъ съ нею, вдоль по улицѣ,
Что есть духу поскакалъ, злодѣй,
Къ своему двору широкому.

Я стоялъ, глядѣлъ, задумался;
Снявши шапку — хватилъ объ землю,
И пошолъ-себѣ загуменьемъ —
Подъ его окошки красныя.

Тамъ огни горятъ; тамъ дѣвушки
Поютъ пѣсни; тамъ товарищи
Пьютъ, играютъ, забавляются;
Съ молодыми всѣ цѣлуются.

Digitized by Google

Вотъ приходитъ полночь мертвая —
Разошлися гости пьяные,
Добры молодцы разъѣхались,
И ворота затворилися. . .

Въ эту пору, для пріятеля,
Заварилъ я брагу хмѣльную,
Заигралъ я свадьбу новую,
Что бесѣду небывалую:

Аль ни дымъ пошолъ подъ облаки,
Аль ни пламя закрутилося;
По сосѣдамъ — черезъ улицу —
На мою избушку бросилось.

Гдѣ стоялъ его богатый домъ,
Гдѣ была избушка бѣдная:
Утромъ все съ землей сравнялося —
Только уголья чернѣлися. . .

Съ той поры я съ горемъ-нуждою
По чужимъ угламъ скитаюся,
За дневной кусокъ работаю,
Кровнымъ потомъ умываюся. . . .

ПѢСНЯ РАЗБОЙНИКА.

(Памяти друга, А. И. Сердобольскаго)

Не страшна мнѣ, добру молодцу,
Волга матушка широкая,
Лѣса темные дремучіе,
Вьюги зимнія, крещенскія. . . . .

Digitized by Google

Ужъ какъ было: по темнымъ лѣсамъ
Пировалъ я зимы круглыя;
По чужимъ краямъ, на свой таланъ,
Погулялъ я, поохотился.

А по Волгѣ моей матушкѣ,
По родимой по кормилицѣ,
Вмѣстѣ съ братьями за добычью
На край свѣта леталъ соколомъ.

Но не Волга, лѣса темные,
Вьюги зимнія, крещенскія,
Погубили мою голову,
Сокрушили мочь желѣзную. . .

Въ некрещеномъ, славномъ городѣ,
На крутомъ, высокомъ островѣ,
Живетъ дѣвушка-красавица,
Дочка гостя новгородскаго. . .

Она въ теремѣ, что зорюшка,
Подъ окномъ сидитъ раствореннымъ
Поетъ пѣсни задушевныя,
Наши братскія-отцовскія.

„Ахъ, душа ль, моя ты душенька!
Что сидишь ты! что ты думаешь?
Али рѣчь моя не по сердцу?
Али батюшка спѣсивится? . . .

Не сиди, не плачь; ты кинь отца,
Ты бѣги ко мнѣ изъ терема;
Мы съ тобою птицы вольныя,
Жить поѣдемъ въ Москву красную".

Digitized by Google

Отвѣчаетъ ему дѣвица:
За любовь твою, мой милый другъ!
Рада кинуть отца съ матерью;
Но боюсь суда я страшнова!

Забушуй же, непогодушка,
Разгуляйся, Волга-матушка!
Ты возьми мою кручинушку,
Размечи волной по бережку. . .

БѢГСТВО.

Ужь какъ тяну я на поле —
Поле чистое дрогнетъ,
Нагуститъ свои туманы,
Въ нихъ одѣнется на ночь.

Я изъ поля въ лѣсъ дремучій —
Лѣшій по лѣсу шумитъ,
Про любовь свою къ русалкѣ
Съ быстрой рѣчкой говоритъ.

Крикну лѣсу, топну въ берегъ —
Лѣшій за горы уйдетъ,
Съ тихимъ трепетомъ русалка
Въ берегахъ своихъ уснетъ.

Я чрезъ рѣчку, огородомъ,
Всю слободку обойду,
Съ темной полночью глухою
Къ дому барскому приду.

Digitized by Google

Свистну — въ теремѣ высокомъ
Вмигъ растворится окно;
Подъ окномъ душа-дѣвица
Дожидается давно.

Скучно въ теремѣ весною
Одинокой горевать;
То ли дѣло на просторѣ
Друга къ сердцу прижимать!

Поднимайся, туча-буря
Съ полуночною грозой!
Зашатайся лѣсъ дремучій,
Страшнымъ голосомъ завой, —

Чтобъ погони злой бояринъ
Вслѣдъ за нами не послалъ;
Чтобъ я съ милою до свѣта
На Украйну прискакалъ.

Тамъ всего у насъ довольно;
Будетъ гдѣ намъ отдохнуть.
Отъ боярина сокроютъ,
Хату славную дадутъ.

Будемъ жить съ тобой по-пански.
Эти люди — намъ друзья;
Что душѣ твоей угодно,
Все добуду съ ними я!

Будутъ платья дорогія,
Ожерелья съ жемчугомъ;
Наряжайся, одѣвайся
Хоть парчою съ серебромъ!

Digitized by Google

ПУТЬ.

Путь широкій давно
Предо мною лежитъ,
Да нельзя мнѣ по немъ
Ни летать, ни ходить.

Кто же держитъ меня,
И что кинуть мнѣ жаль?
И зачѣмъ до-сихъ-поръ
Не стремлюся я вдаль?

Или доля моя
Сиротой родилась!
Иль со счастьемъ слѣпымъ
Безъ ума разошлась!

По лѣтамъ и кудрямъ
Не старикъ еще я:
Много думъ въ головѣ,
Много въ сердцѣ огня!

Много слугъ и казны
Подъ замками лежитъ;
И лихой-вороной
Ужь осёдланъ стоитъ.

Да на путь — по душѣ —
Крѣпкой воли мнѣ нѣтъ,
Чтобъ въ чужой сторонѣ
На людей поглядѣть;

Digitized by Google

Чтобъ порой предъ бѣдой
За себя постоять,
Подъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать;

И чтобъ съ горемъ въ пиру
Быть съ веселымъ лицомъ;
На погибель идти —
Пѣсни пѣть соловьемъ!

ТОСКА ПО ВОЛѢ.

Загрустила, запечалилась
Моя буйная головушка;
Ясны очи соколиныя
Не хотятъ смотрѣть на бѣлый свѣтъ.

Тяжело жить дома съ бѣдностью,
Даромъ хлѣбъ сбирать подъ окнами;
Тяжелѣй того въ чужихъ людяхъ
Быть въ неволѣ, въ одиночествѣ.

Дни проходятъ здѣсь безъ солнышка,
Ночи темныя — безъ мѣсяца,
Бури страшныя, громовыя,
Удалой души не радуютъ.

Гдѣ жь друзья мои — товарищи?
Куда дѣлись? разлетѣлися?
Иль не хочутъ дать мнѣ помощи?
Или голосъ мой разноситъ вѣтръ?

Digitized by Google

Знать забыли время прежнее,
Какъ, бывало, въ полночь мертвую,
Крикну, свистну имъ изъ-за лѣса —
Аль ни темный лѣсъ шелохнется. . .

И они, мои товарищи,
Соколья, орлы могучіе,
Всѣ въ одинъ кругъ собираются,
Погулять ночь, поросшопничать.

А теперь, какъ крылья быстрыя
Судьба злая мнѣ подрѣзала:
И друзья, мои товарищи,
Одново меня всѣ кинули. . .

Гой ты, сила пододонная!
Отъ тебя я службу требую —
Дай мнѣ волю, волю прежнюю,
А душой тебѣ я кланяюсь. . .

---

* * *

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь весна на дворѣ;
Вѣдь сосѣди твои
Работáютъ давно.

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Чтó ты былъ? и чтó сталъ?
И чтó есть у тебя?

Digitized by Google

На гумнѣ — ни снопа,
Въ закромахъ — ни зерна,
На дворѣ, по травѣ —
Хоть шаромъ покати.

Изъ клѣтей домовой
Соръ метлою посмелъ,
И лошадокъ, за долгъ,
По сосѣдямъ развелъ.

И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ;
И погнувшись изба,
Какъ старушка, стоитъ.

Вспомни время свое,
Какъ катилось оно
По полямъ и лугамъ
Золотою рѣкой,

Со двора и гумна
По дорожкѣ большой,
По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ!

И какъ двери ему,
Растворяли вездѣ,
И въ почетномъ углу
Было мѣсто твое!

А теперь подъ окномъ
Ты съ нуждою сидишь,
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь.

Digitized by Google

А въ поляхъ, сиротой,
Хлѣбъ нескошенъ стоитъ:
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его!

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь ужь лѣто прошло,
Вѣдь ужь осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ.

Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.

Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшикомъ пьютъ.

ХУТОРОКЪ.

За рѣкой, на горѣ,
Лѣсъ зеленый шумитъ;
Подъ горой, за рѣкой,
Хуторочекъ стоитъ.

Въ томъ лѣсу соловей
Громко пѣсни поетъ;
Молодая вдова
Въ хуторочкѣ живетъ.

Digitized by Google

Въ эту ночь-полуночь
Удалой молодецъ
Хотѣлъ быть, навѣстить
Молодую вдову. . .

На рѣкѣ рыболовъ
Поздно рыбу ловилъ;
Погулять, ночевать
Въ хуторочекъ приплылъ.

„Рыболовъ мой, душа!
Не ночуй у меня:
Свекоръ дома сидитъ —
Онъ не любитъ тебя.

Не сердися, плыви,
Въ свой рыбачій курень;
Завтра жь, другъ мой, съ тобой
Гулять рада весь день“.

— Сильный вѣтеръ подулъ,
А ночь будетъ темна. . .
Лучше, здѣсь, на рѣкѣ,
Я просплю до утра. —

Опознился купецъ
На дорогѣ большой;
Онъ свернулъ ночевать
Ко вдовѣ молодой.

„Милый купчикъ-душа!
Чѣмъ тебя мнѣ принять. . .
Не топила избы,
Нѣту сѣна, овса.

Digitized by Google

Лучше къ куму въ село
Поскорѣе ступай;
Только, завтра, смотри,
Погостить заѣзжай!“

— До села далеко;
Конь усталъ мой совсѣмъ;
Есть свой кормъ у меня;
Не печалься о немъ.

Я вчера въ городкѣ
Долго былъ—все купилъ;
Вотъ подарокъ тебѣ,
Что давно посулилъ. —

„Не хочу я его!. . .
Боль головушку всю
Разломила на смерть;
Ступай къ куму въ село.“

— Эта боль—пустяки!
Средство есть у меня:
Слова два—заживетъ
Въ мигъ головка твоя.—

Засвѣтился огонь,
Закурилась изба;
Для гостей дорогихъ
Столъ готовитъ вдова.

За столомъ съ рыбакомъ
Ужь гуляетъ купецъ;
А въ окошко глядитъ
Удалой молодецъ.

Digitized by Google

„Ты, рыбакъ, пей вино!
Мнѣ съ сестрою наливай!
Если мастеръ — плясать,
Пѣть мы пѣсни давай!

Я съ людями люблю
По-пріятельски жить;
Ваше дѣло — поймать,
Наше дѣло — купить.

Такъ со мною, прошу,
Безъ чиновъ — по рукамъ;
Одну басню твержу
Я всѣмъ добрымъ людямъ:

Горе есть — не горюй,
Дѣло есть — работай,
А подъ случай попалъ —
На здоровье гуляй!“

И пошолъ съ рыбакомъ
Купецъ пѣсни играть,
Молодую вдову
Обнимать, цѣловать.

Не стерпѣлъ удалой.
Загорѣлась душа!
И — какъ глазомъ моргнуть —
Растворилась изба. . .

И съ тѣхъ поръ, вы хуторкѣ,
Никого не живетъ;
Лишь одинъ соловей
Громко пѣсни поетъ.

———

Digitized by Google

ПѢСНЯ.

Въ непогоду вѣтеръ
Воетъ, завываетъ;
Буйную головку
Злая грусть терзаетъ.

Горемышной долѣ
Нѣтъ нигдѣ привѣта:
До сѣдыхъ волосъ любовью
Душа не согрѣта.

Нѣту силъ — усталъ я
Съ этимъ горемъ биться,
А на свѣтъ посмотришь:
Жалко съ нимъ проститься!

Доля жь, моя доля!
Гдѣ ты запропала?
До поры, до время,
Въ воду камнемъ пала?

Поднимись, что силы
Размахни крылами:
Можетъ, наша радость
Живетъ за горами.

Если нѣтъ — у моря
Сядемъ, да дождемся;
Безъ любви и съ горемъ
Жизнью наживемся!

Digitized by Google

ПѢСНЯ.

Говорилъ мнѣ другъ, прощаючись:
„Не грусти, не плачь ты по-пусту,
Не печаль лица ты бѣлова,
Не гаси румянца алова.

Ты вѣдь знаешь, моя милая,
Что иду я не охотою;
Но судьба велитъ, нужда несетъ —
Отецъ силой проситъ дома жить.

Я пойду скажу: вотъ, батюшка,
Мой избытокъ весь возьми себѣ;
Но въ твоемъ дому родительскомъ
Не жилецъ я, не кормилецъ твой!

Не держи жь, пусти, дай волюшку
Тамъ опять мнѣ жить, гдѣ хочется,
Безъ талана гдѣ таланится,
Молодымъ кудрямъ счастливится“...

Говорилъ такъ другъ, прощаючись,
А въ душѣ его былъ замыселъ:
Не къ отцу идти — въ иномъ селѣ
Замужъ взять вдову богатую. . .

Ну Господь съ тобой, мой милый другъ!
Я за твой обманъ не сержуся. . .
Хоть и женишься — раскаешься,
Ко мнѣ, можетъ-быть, воротишься.

Digitized by Google

ПѢСНЯ.

Безъ ума, безъ разума,
Меня замужъ выдали,
Золотой вѣкъ дѣвичій,
Силой увертали.

Для того ли молодость
Соблюдали, нѣжили,
За стекломъ, отъ солнышка,
Красоту лелѣяли, —

Чтобъ я вѣкъ свой замужемъ
Горевала, плакала,
Безъ любви, безъ радости
Сокрушалась, мучилась.

Говорятъ родимые:
Поживется — слюбится;
И по сердцу выберешь —
Да горячѣе придется.

Хорошо, состарѣвшись,
Разсуждать, совѣтовать,
И съ собою молодость
Безъ разсчета сравнивать!

ДУМА СОКОЛА.

(В. П. Б-ву).

Долго ль буду я
Сидьнемъ дома жить,
Мою молодость
Ни на что губить?

Digitized by Google

Долго ль я буду
Подъ окномъ сидѣть,
По дорогѣ вдаль
День и ночь глядѣть?

Иль у сокола
Крылья связаны,
Иль пути ему
Всѣ заказаны?

Иль боится онъ
Въ чужихъ людяхъ быть,
Съ судьбой мачихой
Самъ-собою жить?

Для чего жъ на свѣтъ
Глядѣть хочется,
Облетѣть его
Душа просится?

Иль, зачѣмъ она,
Моя милая,
Здѣсь сидитъ со мной,
Слезы льетъ рѣкой;

Отъ меня летитъ,
Пѣсню мнѣ поетъ,
Все рукой манитъ,
Все съ собой зоветъ?

Нѣтъ, ужь полно мнѣ,
Дома вѣкъ сидѣть,
По дорожкѣ вдаль,
Изъ окна глядѣть!

Digitized by Google

Со двора пойду,
Куда путь манитъ,
А жить стану тамъ—
Гдѣ ужь Богъ велитъ!

ПѢСНЯ.

Свѣтитъ солнышко,
Да осенью;
Цвѣтутъ цвѣтики —
Да нѐ въ-пору.

А весной была
Степь желтая,
Тучки плавали
Безъ дождика.

По ночамъ роса
Гдѣ падала —
По утру трава
Тамъ сохнула.

И тѣ пташечки,
Касаточки,
Пѣли грустно такъ
И жалобно.

Что, ихъ слушая,
Кровь стынула,
По душѣ лилась
Боль смертная.

Digitized by Google

Такъ прошла моя
Вся молодость —
Безъ любви души,
Безъ радости.

ПѢСНЬ.

Такъ и рвется душа
Изъ груди молодой!
Хочетъ воли она,
Проситъ жизни другой!

То ли дѣло — вдвоемъ
Надъ рѣкою сидѣть,
На зеленую степь,
На цвѣточки глядѣть!

То ли дѣло — вдвоемъ
Зимню ночь коротать,
Друга жаркой рукой
Ко груди прижимать,

Поутру, на зарѣ,
Обнимать-провожать,
Вечеркомъ, у воротъ
Его вновь поджидать!

РАЗЛУКА.

На зарѣ туманной юности,
Всей душой любилъ я милую;
Былъ у ней въ глазахъ небесный свѣтъ,
На лицѣ горѣлъ любви огонь.

Digitized by Google

Что предъ ней ты, утро майское,
Ты, дуброва-мать зеленая,
Степь-трава — парча шелковая,
Заря-вечеръ, ночь-волшебница!

Хороши вы — когда нѣтъ ея,
Когда съ вами дѣлишь грусть-тоску!
А при ней васъ — хоть бы не было;
Съ ней зима — весна, ночь — ясный день!

Не забыть мнѣ, какъ въ послѣдній разъ,
Я сказалъ ей: „прости, милая!
Такъ, знать, Богъ велѣлъ — разстанемся,
Но когда-нибудь увидимся".

Вмигъ огнемъ лицо все вспыхнуло,
Бѣлымъ снѣгомъ перекрылося, —
И, рыдая, какъ безумная,
На груди моей повиснула.

„Не ходи, постой! дай время мнѣ
Задушить грусть, печаль выплакать:
На тебя, на ясна сокола",
Занялся духъ — слово замерло.

ПѢСНЯ.

Не на радость, не на счастіе,
Знать, съ тобой мы, другъ мой, встрѣтились;
Знать, на горе горемычное,
Такъ сжились мы, такъ слюбились.

Digitized by Google

Жилъ одинъ я, въ одиночествѣ:
Холостая жизнь [illegible];
Полюбилъ тебя, безродную:
Полюбивши—[illegible]

Гдѣ ты время, гдѣ ты времечко,
Какъ одно и только думывалъ:
Гдѣ бы—какъ—съ тобой увидѣться,
Однимъ словомъ перемолвиться?

Тогда было—иду, ѣду ли,
Ты всегда со мной, съ ума нейдешь;
На грудь полную ручкой бѣлою
Ты во снѣ меня всю ночь зовешь . . .

А теперь другая думушка
Грызетъ сердце, крушитъ голову:
Какъ въ чужомъ углѣ съ тобой намъ жить,
Какъ свою казну трудомъ нажить?

Но куда умомъ ни кинуся —
Мои мысли врозь расходятся,
Безъ слѣда вдали теряются,
Черной тучей покрываются.

Погубить себя?—не хочется!
Разойтися?—нѣту волюшки!
Обмануть, своею бѣдностью
Красоту сгубить?—жаль до смерти!

. . . . . —

ПЕРЕПУТЬЕ.

До чего ты, моя молодость,
Довела меня, домыкала,
Что ужь шагу ступить некуда,
Въ свѣтѣ бѣломъ стало тѣсно мнѣ!

Что жь теперь съ тобой, удалая,
Пригадаемъ мы, придумаемъ?
Въ чужихъ людяхъ вѣкъ домаять ли?
Сидя дома ли состарѣться?

По людямъ ходить, за море плыть —
Надо кровь опять горячую,
Надо силу, силу прежнюю,
Надо волю безотмѣнную . . .

А у насъ съ тобой давно ихъ нѣтъ;
Мы, гуляя—все потратили,
Молодую жизнь, до времени,
Какъ попало—такъ и прожили!

Сидѣть дома, ботѣть, старѣться,
Съ старикомъ-отцомъ вновь ссориться,
Работать, съ женой хозяйничать,
Ребятишкамъ сказки сказывать . . .

Хоть не такъ оно—не выгодно;
Но, положимъ—дѣлать нечево:
Въ непогоду— не до плаванья,
За большимъ въ нуждѣ не гонятся . . .

Digitized by Google

Но вотъ тутъ скажи, какъ придется
По душѣ спросить, по совѣсти:
Кто пойдетъ за насъ? и гдѣ будемъ жить?
Гдѣ избытокъ мой зарытъ лежитъ? . . .

Куда глянешь—всюду наша степь;
На горахъ—лѣса, сады, дома;
На днѣ моря—груды золота;
Облака идутъ—нарядъ несутъ! . . .

ПѢСНЯ.

Дуютъ вѣтры,
Вѣтры буйные;
Ходятъ тучи,
Тучи темныя.

Не видать въ нихъ
Свѣта бѣлова;
Не видать въ нихъ
Солнца краснова.

Во сырой мглѣ,
За туманами,
Только ночка
Лишь чернѣется.

Въ эту пору,
Непогожую,
Одному жить —
Сердцу холодно.

Digitized by Google

Грудь другую
Ему надобно
Огонь-душу —
Красну дѣвицу!

Съ ней зимою —
Лѣто теплое;
При бездольи —
Горе — не горе!

ВСЯКОМУ СВОЙ ТАЛАНЪ.

Какъ женился я, раскаялся;
Да ужь поздно, дѣлать нечѣво.
Обвѣнчавшись — не разженишься;
Наказалъ Господь, такъ мучайся.

Хоть бы взялъ ее я силою,
Иль обманутъ былъ злой хитростью;
А то волей своей доброю,
Гдѣ задумалъ, тамъ сосватался.

Было кромѣ много дѣвушекъ,
И хорошихъ и талантливыхъ;
Да ни съ чѣмъ взять — видишь, совѣстно
Отъ своей родни — товарищей.

Вотъ и выбралъ, по ихъ разуму,
По обычаю — какъ водится:
И съ роднею, и съ породою,
Именитую, почетную.

Digitized by Google

И живемъ съ ней, только ссоримся
Да роднею похваляемся;
Да проживши всё добро свое,
Въ долги стали неоплатные. . .

„Теперь, придетъ время тѣсное:
Что намъ дѣлать, жена, надобно?“
—Какъ, скажите, люди добрые,
Научу я мужа глупова? —

„Ахъ, жена моя, боярыня!
Когда умной ты родилася,
Такъ зачѣмъ же мою голову
Ты сгубила, змѣя лютая?

Придетъ время, время грозное,
Кто поможетъ? куда дѣнемся?“
— Самъ прожился мой безумный мужъ,
Да у бабы ума требуетъ. —

ПѢСНЯ.

Много есть у меня
Теремовъ и садовъ,
И раздольныхъ полей,
И дремучихъ лѣсовъ.

Много есть у меня
Деревень и людей,
И знакомыхъ бояръ,
И надежныхъ друзей.

Digitized by Google

Много есть у меня
Жемчуговъ и мѣховъ,
Драгоцѣнныхъ одеждъ,
Разноцвѣтныхъ ковровъ.

Много есть у меня
Для пировъ—серебра,
Для бесѣдъ — красныхъ словъ,
Для веселья—вина!

Но я знаю, на что
Травъ волшебныхъ ищу;
Но я знаю, о чемъ,
Самъ съ собою грущу.

РАЗСЧЕТЪ СЪ ЖИЗНЬЮ.

(В. Г. Б—му).

Жизнь! зачѣмъ ты собой
Обольщаешь меня?
Почти вѣкъ я прожилъ,
Никого не любя.

Въ душѣ страсти огонь
Разгарался не разъ,
Но въ безплодной тоскѣ,
Онъ сгорѣлъ и погасъ.

Моя юность цвѣла
Подъ туманомъ густымъ,—
И что́ ждало меня,
Я не видѣлъ за нимъ.

Digitized by Google

Только тѣшилась мной
Злая вѣдьма—судьба;
Только силу мою
Сокрушила борьба;

Только зимней порой
Меня холодъ знобилъ;
Только волосъ сѣдой
Мои кудри развилъ;

Да румянецъ лица
Печаль рано сожгла,
Да морщины на немъ
Ядомъ слезъ провела.

Жизнь! зачѣмъ же собой
Обольщаешь меня?
Еслибъ силу Богъ далъ —
Я разбилъ бы тебя!

ГРУСТЬ ДѢВУШКИ.

Отчего, скажи,
Мой любимый серпъ,
Почернѣлъ ты весь,
Что коса моя?

Иль обрызганъ ты,
Въ скукѣ горести,
По миломъ дружкѣ
Слезой дѣвичей?

Digitized by Google

Въ широкихъ степяхъ
Дона тихова,
Зелена трава
Давно скошена;

На седьмой косцы
Давно женятся;
Только нѣтъ его,
Ясна сокола!

Иль онъ бросилъ домъ,
Разлюбилъ меня;
И не придетъ ужъ
Къ своей дѣвицѣ?

Ахъ, не птица тамъ
Летитъ по небу:
То печальный слухъ
Объ немъ носится. . .

Не къ добру жъ тоска
Давитъ бѣлу грудь,
Нѣтъ, не къ радости
Плакать хочется.

НОЧЬ.

(Князю В. Ѳ. Одоевскому)

Не смотря въ лицо,
Она пѣла мнѣ,
Какъ ревнивый мужъ
Билъ жену свою;

Digitized by Google

А въ окно луна
Тихо свѣтъ лила,
Сладострастныхъ сказокъ
Была ночь полна.

Лишь зеленый садъ
Подъ горой чернѣлъ,
Мрачный образъ къ намъ
Изъ него глядѣлъ.

Улыбаясь, онъ
Зубъ о зубъ стучалъ,
Жгучей искрою
Его глазъ сверкалъ.

Вотъ онъ къ намъ идетъ,
Словно дубъ большой . . .
И тотъ призракъ былъ —
Ея мужъ лихой . . .

По костямъ моимъ
Пробѣжалъ морозъ,
Самъ не знаю какъ,
Къ полу я приросъ.

Но лишь только онъ
Рукой за дверь взялъ,
Я схватился съ нимъ —
И онъ мертвый палъ.

„Что ты, милая,
Вся какъ листъ дрожишь?
Съ дѣтскимъ ужасомъ
На него глядишь?

Digitized by Google

Ужь не будетъ онъ
Караулить насъ;
Не придетъ теперь
Въ полуночный часъ!"

— Ахъ, не то, чтобъ я
Умъ мѣшается
Все два мужа мнѣ
Представляются:

На полу, одинъ
Весь въ крови лежитъ;
А другой—смотри—
Вонъ въ саду стоитъ! —

ПОМИНКИ.

(Памяти Н. В. Ст—ча).

Подъ тѣнью росистой
Кудрявыхъ березъ,
Гуляютъ, пируютъ
Младые друзья!

Могучая сила
Въ душѣ ихъ кипитъ;
На блѣдныхъ ланитахъ
Румянецъ горитъ.

Ихъ очи, какъ звѣзды
По небу, блестятъ;
Ихъ думы—какъ тучи,
Ихъ рѣчи горятъ

Digitized by Google

Давайте веселья!
Давайте печаль!
Давно ихъ не манитъ
Волшебница даль.

И съ міра, и съ время
Покровы спяты,
Загадочной жизни
Прожиты мечты.

Шумна ихъ бесѣда,
Разумно идетъ;
Роскошная младость
Здоровьемъ цвѣтетъ.

Но вотъ къ нимъ приходитъ
Невѣдомый гость, —
И молча садится,
Какъ темная ночь.

Лицо его мрачно,
И взгляды—что ядъ;
И весь на немъ страненъ
Печальный нарядъ.

И лучшему другу
Онъ руку пожалъ;
И глазъ его чорный
Огнемъ засверкалъ.

Вмигъ юноша вздрогнулъ,
И очи закрылъ;
И темныя кудри
На грудь опустилъ.

Digitized by Google

Прозрачно, какъ мраморъ,
Застыло лицо.
Уснулъ онъ надолго!
Уснулъ глубоко!

Подъ тѣнью роскошной
Кудрявыхъ березъ,
Гуляютъ, пируютъ
Младые друзья!

Ихъ такъ же, какъ прежде
Бесѣда шумна,
Но часто невольно
Печаль въ ней видна.

ДОЛЯ БѢДНЯКА.

У чужихъ людей
Горекъ бѣлый хлѣбъ,
Брага хмѣльная —
Не разымчива!

Рѣчи вольныя —
Все какъ связаны;
Чувства жаркія
Мрутъ безъ отзыва.

Изъ души-ль порой
Радость вырвется —
Злой насмѣшкою
Вмигъ отравится.

Digitized by Google

И бѣлъ-ясенъ день
Затуманится;
Грустью чорною,
Міръ одѣнется.
И сидишь, глядишь
Улыбаючись;
А въ душѣ клянешь
Долю горькую.

ЗВѢЗДА.

Гдѣ-бъ ни былъ я — всегда
До утренней зари, алмазная звѣзда
Противъ меня стоитъ
И въ очи мнѣ язвительно глядитъ . . .
При ней когда-то часъ разлуки былъ . . .
Но я давно ее и часъ тотъ позабылъ!
Одинъ лишь этотъ лучъ неотразимъ, —
И я никакъ не свыкнусь съ нимъ!
Порою онъ приводитъ въ умиленье,
Порой въ восторгъ и изступленье,
Порою въ горькую печаль,
И мнѣ ее, погибшую, всѣ жаль!

Digitized by Google

ПѢСНЯ.

Не весна тогда
Жизнью вѣяла,
Не трава въ поляхъ
Зеленѣлася;

Не заря съ небесъ
Красовалася,
Не луна на насъ
Любовалася!

Нѣтъ! подъ холодомъ,
Подъ туманами,
Ты въ объятьяхъ жгла
Поцалуями!

Ночи темныя,
Ночи бурныя
Шли, какъ облачки,
Мимо солнышка.

Вьюги зимнія,
Вьюги шумныя,
Напѣвали намъ
Пѣсни чудныя!

Наводили сны,
Сны волшебные,
Уносили въ край —
Заколдованный!

Digitized by Google

ПѢСНЯ.

Ты прости-прощай,
Сыръ-дремучій боръ,
Съ лѣтней нолею,
Съ зимней вьюгою!

Одному съ тобой
Надоѣло жить,
Подъ дорогою
До зари ходить!

Поднимусь, пойду
Въ свою хижину,
На житье-бытье,
На домашнее.

Тамъ возьму себѣ
Молоду жену;
И начну съ ней жить —
Припѣваючи . . .

ПѢСНЯ.

Разступитесь, лѣса темные;
Разойдитесь, рѣки быстрыя;
Запылись ты, путь-дороженька;
Дай мнѣ вѣстку, моя пташечка!

Digitized by Google

Я рѣкой пойду по бережку,
Полечу горой за облакомъ,
На край свѣта, на край бѣлова —
Искать стану друга милова . . .

Я найду его, гдѣ-бъ ни былъ онъ,
Я скажу ему: „стыдно, совѣстно,
Бросить домъ свой, отца старова,
Да, Богъ вѣсть куда, завихриться".

Какъ завьетъ онъ кудри чорныя,
Какъ надѣнетъ кафтанъ бархатный,
Подпояшетъ кушакъ шолковый,
Поцалуетъ, скажетъ ласково:

— Нѣтъ, душа моя, ошиблась ты,
Я не въ полѣ вихремъ вѣялся:
По людямъ ходилъ, деньгу копилъ,
За морями счастье пробовалъ;

Моя доля здѣсь счастливая;
Я нажилъ тебѣ два терема,
Лисицъ, шолку, много золота,—
Станетъ вѣкъ прожить боярами.—

Ахъ, вы, душеньки-подруженьки!
Не отъ горя плачу—съ радости;
На душѣ она огнемъ горитъ,
А нѣтъ силы словъ души открыть . . .

Digitized by Google

ПѢСНЯ.

Какъ здоровъ, да молодъ —
Безъ веселья—веселъ;
Безъ призыва—счастье
И валить и ѣдетъ.

Въ непогоду-вѣтеръ
Шапка на макушкѣ;
Проходи попъ, барина,
Волоска не тронемъ!

Только думы-заботы,
У царя-головки:
Погулять по свѣту,
Пожить на распашкѣ;

Свою удаль-силку
Попытать на людяхъ;
Чтобъ не стыдно вспомнить
Молодое время!

ПѢСНЯ.

Я любила его
Жарче дня и огня,
Какъ другимъ не любить
Никогда, никогда!

Digitized by Google

Только съ нимъ лишь однимъ
Я на свѣтѣ жила;
Ему душу мою—
Ему жизнь отдала!

Что за ночь, за луна,
Когда друга я жду!
Вся блѣдна, холодна,
Замираю, дрожу!

Вотъ идетъ онъ, поетъ:
„Гдѣ ты, зорька моя?“
Вотъ онъ руку береть,
Вотъ цалуетъ меня!

„Милый другъ, погаси
Поцалуи твои!
И безъ нихъ, при тебѣ,
Огнь пылаетъ въ крови;

И безъ нихъ, при тебѣ,
Жжетъ румянецъ лицо,
И волнуется грудь,
И блистаютъ глаза,
Словно въ небѣ звѣзда!“

Digitized by Google

НА НОВЫЙ 1842 ГОДЪ.

Прожитый годъ, тебя я встрѣтилъ шумно,
Въ кругу знакомыхъ и друзей
Широко, вольно и безумно,
При звукахъ бѣшеныхъ рѣчей.

Тогда, забывшись на мгновенье,
Впередъ всякъ дерзостно глядѣлъ,
Своихъ страстей невольное стремленье
Истолковать пророчески хотѣлъ.

Въ комъ сила есть на радость, на страданье—
Въ томъ духъ огнемъ восторженнымъ горитъ,
Тотъ о своемъ загадочномъ призваньи
Свободно, смѣло говоритъ.

Такъ, до зари, бесѣда наша
Была торжественно шумна!
Веселья круговая чаша
Всю ночь не осушала дна!

Но годъ прошелъ: одинъ звѣздою ясной,
Другимъ онъ молніей мелькнулъ;
Меня жъ годъ, встрѣченный прекрасно —
Какъ другъ, какъ демонъ обманулъ!

Онъ, за таинственнымъ покровомъ,
Мученья горькія скрывалъ,
И, въ этомъ свѣтѣ безголовомъ,
Меня вполнѣ рокъ грозный испыталъ.

Digitized by Google

Тяжелый годъ, тебя ужь нѣтъ, а я еще живу,
И новый, тихо, безъ друзей, одинъ встрѣчаю,
Одинъ въ его обманчивую тишину,
Свои я взоры потопляю.

Что въ ней таится для меня?
Ужели новыя страданья?
Ужель, безвременно, изъ міра выйду я
Не совершивъ и задушевнаго желанья?

ПѢСНЯ.

Что юнъ ходитъ за мной,
Всюду ищетъ меня
И, встрѣчаясь, глядитъ
Такъ лукаво всегда?

Что смѣшнова во мнѣ —
Я понять не могу;
И за мною ходитъ —
Кто далъ право ему?

Помню, какъ-то давно
У знакомыхъ были балъ;
Какъ безумный, всю ночь
Онъ со мной танцовалъ!

Слова нѣтъ — онъ хорошъ:
Брови, носъ и лицо,
Но глаза — за глаза
Ненавижу его!

Digitized by Google

Голубые очи
И какъ жарко горятъ!
Будто яда полны,—
Будто съѣсть васъ хотятъ!

Нѣтъ, отстаньте, прошу,
Не слѣдите меня:
Вашихъ дивныхъ глазъ
Я боюсь, какъ огня!

ПѢСНЯ.

Нынче ночью къ себѣ
Въ гости друга я жду,
Безъ знакомыхъ, одинъ,
Сказалъ—радость! приду.

Мѣсяцъ будь иль не будь —
Конь дорогу найдетъ;
Самъ лукавый, въ потьмахъ,
Съ ней его не собьетъ.

И, до ночи мятель
Снѣгомъ путь весь закрой:
Безъ дороги — чутьемъ,
Сыщетъ домикъ онъ твой! . . .

Нынче ночью къ себѣ
Въ гости друга я жду;
Онъ, прощаясь, сказалъ:
Хоть умру, а приду.

Digitized by Google

Что мнѣ крѣпкой замокъ,
Караулъ, ворота?
Воеводская дверь
Мнѣ всегда расперта.

Не любивши тебя,
Въ селахъ слылъ молодцомъ:
А съ тобою, мой другъ,
Города ни по чемъ!

Digitized by Google

ДУМЫ.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВЕЛИКАЯ ТАЙНА.

Тучи носятъ воду,
Вода поитъ землю,
Земля плодъ приноситъ;
Бездна звѣздъ на небѣ,
Бездна жизни въ мірѣ;
То мрачна, то свѣтла
Чудная природа. . .

Старѣясь въ сомнѣньяхъ
О великихъ тайнахъ,
Идутъ невозвратно
Вѣки за вѣками:
У каждаго вѣка
Вѣчность вопрошаетъ
„Чѣмъ кончилось дѣло?“
— Вопроси другова, —
Каждый отвѣчаетъ.

Смѣлый умъ, съ мольбою,
Мчится къ Провидѣнью.
Ты повѣдай мыслямъ
Тайну сихъ созданій!

Digitized by Google

Шлютъ отвѣтъ, вновь тайный,
Чудеса природы,
Тишиной и бурей
Мысли изумляя. . .

Что́ же совершится
Въ будущемъ съ природой? . . .
О гори, лампада,
Ярче предъ Распятьемъ!
Тяжелы мнѣ думы,
Сладостна молитва!

БОЖІЙ МІРЪ.

Отецъ свѣта—вѣчность,
Сынъ вѣчности—сила;
Духъ силы—есть жизнь,
Міръ жизнью кипитъ.
Вездѣ Тріединый,
Воззвавшій все къ жизни!
Нѣтъ вѣка Ему,
Нѣтъ мѣста Ему!
Съ величества трона,
Съ престола чудесъ
Божій образъ—солнце
Къ намъ съ неба глядитъ,
И днемъ повѣряетъ
Всемірную жизнь.
Въ другомъ мѣстѣ неба
Оно отразилось —

Digitized by Google

И мѣсяцемъ землю
Всю ночь сторожитъ,
Тьма, на лонѣ ночи
И живой прохлады,
Всѣ стихіи міра
Сномъ благословляетъ.
Въ царствѣ Божьей воли,
Въ переливахъ жизни,
Нѣтъ безсильной смерти,
Нѣтъ бездушной жизни!

НЕРАЗГАДАННАЯ ИСТИНА.

Цѣлый вѣкъ я рылся,
Въ таинствахъ вселенной,
До сѣдинъ учился
Мудрости священной.

Всѣ вѣка былые
Съ новыми повѣрилъ;
Чудеса земныя
Опытомъ измѣрилъ.

Мелкія причины
Тѣшились людями;
Карлы-властелины
Двигали мірами.

Райскія долины
Кровью обливались;
Карлы-властелины
Въ бездну низвергались

Digitized by Google

Гдѣ пройдетъ коварство
Съ злобою людскою —
Тамъ, въ обломкахъ, царство
Заростетъ травою. . .

Племена другія
На нихъ поселятся:
Города большіе
Людьми разродятся.

Сторона пустая
Снова зацарюетъ —
И жизнь молодая
Шумно запируетъ!

Подсѣку-жь я крылья
Дерзкому сомнѣнью,
Прокляну усилья
Къ тайнамъ Провидѣнья!

Умъ нашъ не шагаетъ
Міра за границу;
Наобумъ мѣшаетъ
Съ былью небылицу.

ЧЕЛОВѢКЪ.

Всѣ творенья въ божьемъ мірѣ
Такъ прекрасны, хороши!
Но прекраснѣй человѣка
Ничего нѣтъ на землѣ!

Digitized by Google

То себя онъ ненавидитъ;
То собой онъ дорожитъ;
То полюбитъ, то разлюбитъ;
За мигъ жизни вѣкъ дрожитъ. . .

Дастъ желаньямъ ли свободу —
Землю кровью напоитъ;
Буйной волѣ дастъ ли волю—
Подъ нимъ море закипитъ.

Но измѣнятся стремленья,
Озарится свѣтомъ умъ:
И своей онъ красотою
Все на свѣтѣ помрачитъ. . .

ВЕЛИКОЕ СЛОВО.

(В. А. Жуковскому.)

Глубокая вѣчность
Огласилась словомъ:
То слово—„да будетъ!“
„Ничто“ воплотилось
Въ тьму ночи и свѣтъ;
Могучія силы
Сомкнуло въ міры,
И чудной, прекрасной
Повѣяло жизнью.
Земля красовалась
Роскошнымъ эдемомъ,
И духъ воплощенный —

Digitized by Google

Владѣтель земли —
Съ челомъ вѣчно-юнымъ,
Высокимъ и стройнымъ,
Съ отсвѣтомъ свободы
И мысли во взорѣ,
На свѣтлое небо,
Какъ ангелъ, глядѣлъ. . .

Свобода, свобода!. . .
Гдѣ жь рай твой веселый?
Слѣды твои страшны,
Отмѣчены кровью
На пестрой страницѣ
Широкой земли!
И лютое горе
Ее залило,
Ту дивную землю,
Безславную землю!

Но слово: „да будетъ!“
То вѣчное слово
Не мимо идетъ:
Въ хаосѣ печали,
Въ полуночномъ мракѣ
Надземныхъ судебъ,
Божественной мыслью
На древѣ креста
Сіяетъ и свѣтитъ
Терновый вѣнецъ. . .
И горькія слезы,
Раскаянья слезы,

Digitized by Google

На блѣдныхъ ланитахъ
Земнова царя
Зажглись упованьемъ
Высокимъ и свѣтлымъ,—
И духъ вдохновляетъ
Мятежную душу, —
И сладко ей горе,
Понятно ей горе:
Оно—искупленье
Прекраснаго рая . . .

Да будетъ!—и было, —
И, видимъ,—и будетъ . . .
Всегда—безъ конца.
Кто жь Онъ, всемогущій?
И гдѣ обитаетъ? . . .
Нѣтъ Богу вопроса, —
Нѣтъ мѣры Ему! . . .

УМОЛКШІЙ ПОЭТЪ.

Съ душою пророка,
Съ печатью величья
На гордомъ челѣ,
Родился младенецъ
На диво землѣ.

Земныя богини,
Какъ хитрыя дѣвы,
Манили младенца

Digitized by Google

Роскошной мечтою,
Притворною лаской
Любовь обманули,
Сожгли поцѣлуемъ
Румянецъ лица,
Сорвали улыбку —
Сіянье души.
Напрасно таилъ онъ,
Напрасно берегъ
Дары вдохновеній
Отъ горняго міра
Для жизни земной;
Напрасно онъ райской
И звучною пѣсней
Родимыя дебри,
Поля оглашалъ:
Пустыня молчала . . .
Толпа отступилась
Отъ взоровъ пророка!
Высокое чувство,
И жаръ вдохновенья,
И творчества силу
Толпа не признала:
Смѣшны ей и радость,
И горе поэта . . .
Сгори онъ въ пожарѣ
Презрѣнныхъ страстей —
Она, какъ вакханка,
Его зацѣлуетъ,
И братскимъ восторгомъ,

Digitized by Google

Нечистымъ, постыднымъ,
На вѣкъ заклеймитъ . . .

Очарованъ утромъ,
Обманутый полднемъ,
Одѣтый вечернимъ
Туманомъ и тѣнью
Загадочной жизни —
Глядитъ равнодушно
Безмолвный поэтъ . . .
Ты думаешь: палъ онъ?
Нѣтъ, ты не замѣтилъ
Высокую думу,
Огонь благодатный
Во взорѣ его . . .

МОГИЛА.

Чья это могила
Тиха, одинока?
И крестъ тростниковый
И насыпь свѣжа;
И чистое поле
Кругомъ безъ дорогъ.
Чья жизнь отжилася?
Чей кончился путь?
Татаринъ ли дикій
Свершилъ здѣсь убійство
Въ ночной темнотѣ,
И свѣжею кровью,

Digitized by Google

Горячею брызнулъ
На русскую быль? . . .
Или молодая
Жница-поселянка
Ангела-младенца,
На рукахъ лелѣя,
Оплакала горько
Кончину его, —
И подъ яснымъ небомъ
Въ полѣ на просторѣ,
Въ цвѣтахъ васильковыхъ
Положенъ дитя? . . .

Вѣетъ надъ могилой,
Вѣетъ буйный вѣтеръ,
Катитъ черезъ ниву,
Мимо той могилы,
Сухую былинку,
Перекати-поле;
Будитъ вольный вѣтеръ,
Будитъ, не пробудитъ,
Дикую пустыню,
Тихій сонъ могилы! . . .

Digitized by Google

МОЛИТВА.

Спаситель, Спаситель!
Чиста моя вѣра,
Какъ пламя молитвы!
Но, Боже, и вѣрѣ
Могила темна!
Что̀ слухъ мой замѣнитъ?
Потухшія очи?
Глубокое чувство
Остывшаго сердца?
Что̀ будетъ жизнь духа
Безъ этого сердца?

На крестъ, на могилу,
На небо, на землю,
На точку начала
И цѣли твореній,
Творецъ всемогущій
Накинулъ завѣсу,
Нало̀жилъ печать:
Печать та на вѣки;
Ея не расторгнутъ
Міры, разрушаясь,
Огонь не растопитъ,
Не смоетъ вода! . . .

Прости жь мнѣ, Спаситель!
Слезу моей грѣшной

Digitized by Google

Вечерней молитвы:
Во тьмѣ она свѣтитъ
Любовью къ тебѣ . . .

ДВѢ ЖИЗНИ.

Двѣ жизни въ мірѣ есть;
Одна свѣтла, горитъ она какъ солнце;
Въ ея очахъ небесный тихій день;
Въ сіяніи — святая мысль и чувство;
Ея живая сила такъ роскошно
Звучитъ свободной и разумной рѣчью.
И это — жизнь земнова духа:
Долга она, какъ Божья вѣчность . . .

Другая жизнь темна:
Въ ея очахъ — земная грусть и ночь;
И спитъ она сномъ крѣпкимъ и мятежнымъ.
Таится мысль въ ея цвѣтистыхъ формахъ,
Но не звучитъ свободной рѣчью;
Наклоннѣе во тьмѣ она къ молчанью,
И это — жизнь земнова праха:
Кратка она, какъ блескъ звѣзды падучей . . .

Digitized by Google

ВОПРОСЪ.

Какъ ты можешь
Кликнуть солнцу:
Слушай, солнце!
Стань, ни съ мѣста!
Чтобъ ты въ небѣ
Не ходило,
Чтобъ на землю
Не свѣтило!
Стань на берегъ,
Глянь на море:
Что ты можешь
Сдѣлать морю,
Чтобъ вода въ немъ
Охладѣла,
Чтобы камнемъ
Затвердѣла?

Какой силой
Богатырской
Шаръ вселенной
Остановишь,
Чтобъ не шолъ онъ,
Не кружился?

Какъ же быть мнѣ
Въ этомъ мірѣ,
При движеньи —
Безъ желанья?

Digitized by Google

Чтожь мнѣ дѣлать
Съ буйной волей,
Съ грѣшной мыслью,
Съ пылкой страстью?

Въ эту глыбу
Земляную
Сила неба
Жизнь вложила,
И живетъ въ ней
Какъ царица!
Съ колыбели,
До могилы,
Духъ съ землею
Ведутъ брани:
Земъ не хочетъ
Быть рабою, —
И нѣтъ мочи
Скинуть бремя;
Духу жь неба
Невозможно
Съ этой глыбой
Породниться . . .

Много ль время
Пролетѣло?
Много ль время
Есть впереди?
Когда будетъ
Конецъ брани?
За кѣмъ поле?

Digitized by Google

Богъ ихъ знаетъ!
Въ этой сказкѣ
Цѣль сокрыта;
Въ моемъ толкѣ
Смыслу нѣту,
Чтобъ провидѣть
Дѣла Божьи. . .

За могилой
Рѣчь безмолвна;
Вѣчной тьмою
Даль одѣта. . .
Буду ль жить я
Въ безднѣ моря?
Буду ль жить я
Въ дальнемъ небѣ?
Буду ль помнить:
Гдѣ былъ прежде?
Что я думалъ
Человѣкомъ?. . .

Иль за гробомъ
Все забуду,
Смыслъ и память
Потеряю?
Чтожь со мною
Тогда будетъ,
Творецъ міра,
Царь природы?. . .

Digitized by Google

ЦАРСТВО МЫСЛИ.

Горитъ огнемъ и вѣчной мыслью солнце;
Осѣнены все той же тайной думой,
Блистаютъ звѣзды въ безпредѣльномъ небѣ;
И одинокой, молчаливый мѣсяцъ
Глядитъ на нашу землю свѣтлымъ окомъ.
Въ тьмѣ ночи возникаетъ мыслъ созданья;
Во свѣтѣ дня она уже одѣта,
И крѣпнетъ въ вѣяньи живой прохлады,
И спѣетъ въ негѣ теплоты и зноя.
Повсюду мысль одна — одна идея:
Она живетъ и въ пеплѣ и пожарѣ;
Она и тамъ — въ огнѣ, въ раскатахъ грома;
Въ сокрытой тьмѣ бездонной глубины;
И тамъ, въ безмолвіи лѣсовъ дремучихъ;
Въ прозрачномъ и плодучемъ царствѣ водъ глубокихъ,
Въ ихъ зеркалѣ, и въ шумной битвѣ волнъ;
И въ тишинѣ безмолвнаго кладбища;
На высяхъ горъ безлюдныхъ и пустынныхъ;
Въ печальномъ завываньи бурь и вѣтра;
Въ глубокомъ снѣ недвижимаго камня;
Въ дыханіи былинки молчаливой;
Въ полетѣ къ облаку орлиныхъ крылій;
Въ судьбѣ народовъ, царствъ, ума, и чувства, всюду—
Она одна — царица бытія!

Digitized by Google

ЛѢСЪ.

О чемъ шумитъ сосновый лѣсъ?
Какія въ немъ сокрыты думы?
Ужель въ его холодномъ царствѣ
Затаена живая мысль? . .

Коня скорѣй! какъ соколъ быстрый,
На немъ весь лѣсъ изъѣзжу я:
Вездѣ глубокій сонъ, шумъ вѣтра,
И дикая краса угрюмо спитъ. . .

Когда нибудь его стихія
Рвалася землю всю покрыть,
Но въ сонъ невольно погрузившись,
Въ одномъ движеніи стоитъ.

Порой, во тьмѣ пустынной ночи,
Былыхъ вѣковъ живыя тѣни
Изъ глубины его выходятъ,
И на людей наводятъ страхъ.

Съ приходомъ дня уходятъ тѣни,
Слѣдовъ ихъ нѣтъ; лишь на вершинахъ
Одинъ туманъ, да въ темной грусти
Ночь безразсвѣтная лежитъ. . .

Какая жь тайна въ дикомъ лѣсѣ
Такъ безотчетно васъ влечетъ,
Въ забвенье погружаетъ душу
И мысли новыя рождаетъ въ ней? . . .

Digitized by Google

Ужели въ насъ духъ вѣчной жизни
Такъ безсознательно живетъ,
Что можетъ лишь въ предѣлахъ смерти
Свое величье сознавать? . . .

ПЕРЕДЪ ОБРАЗОМЪ СПАСИТЕЛЯ.

Передъ тобою, мой Богъ!
Я свѣчу погасилъ,
Премудрую книгу
Предъ тобою закрылъ.

Твой небесный огонь
Негасимо горитъ,
Безконечный твой міръ
Предъ очами раскрытъ;

Я съ любовью къ тебѣ
Погружаюся въ немъ;
Со слезами стою
Передъ свѣтлымъ лицомъ!

И напрасно весь міръ
На тебя возставалъ,
И напрасно на смерть
Онъ тебя осуждалъ.

На крестѣ, подъ вѣнцомъ,
И спокоенъ, и тихъ,
До конца ты молилъ
За злодѣевъ своихъ!

Digitized by Google

ПОЭТЪ.

Въ душѣ человѣка
Возникаютъ мысли,
Какъ въ дали туманной
Небесныя звѣзды . . .

Міръ есть тайна Бога,
Богъ есть тайна жизни;
Цѣлая природа —
Въ душѣ человѣка.

Проникнуты чувствомъ,
Согрѣты любовью,
Изъ нея всѣ силы
Въ образахъ выходятъ . . .

Властелинъ-художникъ
Создаетъ картину —
Великую драму,
Исторію царства.

Въ нихъ духъ вѣчной жизни,
Самъ себя сознавши,
Въ видахъ безконечныхъ
Себя проявляетъ;

И живетъ столѣтья,
Умъ нашъ поражая;
Надъ бездушной смертью
Вѣчно торжествуя.

Digitized by Google

Дивныя созданья
Мысли всемогущей!
Весь міръ, передъ вами.
Со мной исчезаетъ . . .

ЖИЗНЬ.

Умомъ легко намъ свѣтъ обнять;
Въ немъ мыслью вольной мы летаемъ;
Что̀ не дано намъ понимать —
Мы все какъ-будто понимаемъ.

И рѣзко судимъ обо всемъ,
Съ вѣковъ покрова не снимая;
Дошло, что людямъ ни по чемъ
Сказать: вотъ тайна міровая!

Какъ свѣтъ стоитъ, до этихъ поръ,
Всего мы много пережили;
Страстей мы видѣли напоръ;
За царствомъ царство схоронили.

Живя, проникли глубоко
Въ тайникъ природы чудотворной;
Одни познанья взяли мы легко,
Другія — силою упорной . . .

Но все жь успѣхъ нашъ не великъ.
Что до преданій — мы не знаемъ.
Впередъ что̀ будетъ — кто проникъ?
Что̀ мы теперь — не разгадаемъ.

Digitized by Google

Одинъ лишь опытъ говоритъ:
Что прежде насъ здѣсь люди жили, —
И мы живемъ, — и будутъ жить.
Вотъ каковы всѣ наши были! . . .

---

* * *

(Князю П. А. Вяземскому).

Не время ль намъ оставить
Про высоты мечтать,
Земную жизнь безславить,
Что̀ есть — иль нѣтъ — желать?

Легко, конечно, строить
Воздушные міры,
И увѣрять и спорить:
Какъ въ нихъ то важны мы!

Но, отъ души ль, порою,
Въ насъ чувство говоритъ,
Что жизнію земною —
Нѣтъ нужды дорожить? . . .

Темна, страшна могила;
За далью — мракъ густой;
Ни вѣсти, ни отзыва
На вопль нашъ роковой!

А тутъ дары земные,
Дыханіе цвѣтовъ,
Дни, ночи золотыя,
Разгульный шумъ лѣсовъ,

Digitized by Google

И сердца жизнь живая,
И чувства огнь святой,
И дѣва молодая
Блистаетъ красотой!

Digitized by Google

ДОПОЛНЕНІЕ.

Digitized by Google

Пишу не для мгновенной славы:
Для развлеченья, для забавы,
Для милыхъ искреннихъ друзей,
Для памяти минувшихъ дней.

Digitized by Google

СИРОТА.

Не прельщайте, не маните,
Пылкой юности мечты!
Удалитесь, улетите
Отъ бездомной сироты!

Чтожь вы, злыя, что вы вьетесь
Надъ усталой головой?
Что вы съ вѣтромъ не несетесь
Въ край невѣдомый, чужой?

Были дни—и я любила
Сны о радости земной;
Но надежда измѣнила,
Радость—сонъ въ судьбѣ моей.

На яву же, въ облегченье,
Только слезы проливать;
И не вѣрить въ облегченье;
И покоя не вкушать.

Digitized by Google

Не прельщайте жь, не маните,
Свѣтлой радости мечты!
Унеситесь, улетите
Отъ бездомной сироты!

РОВЕСНИКУ.

О чемъ, ровесникъ молодой,
Горюешь и вздыхаешь?
О чемъ серебряной струей
Ты слезы проливаешь?
О чемъ безсмѣнная печаль
И частыя стенанья?
Страшна ли жизни темна даль
И съ юностью прощанье?
Или нежданная бѣда
Явилась и сразила?
Житейская ль тебя нужда
Такъ рано посѣтила?
Иль сердца тайная любовь
Раскрыла въ немъ желанья,
И юнымъ пламенемъ вся кровь
Зажглась безъ упованья?
Я вижу думу на челѣ,
Безъ словъ, безъ выраженья;
Но есть во взорахъ, какъ въ стеклѣ
Востока отраженье, —
Замѣтное волненье:

Digitized by Google

Ахъ, то любовь, любовь!.... Она
Въ твоей душѣ играетъ;
Она, въ пиру, на ложѣ сна,
Покой твой разрушаетъ.
Я отгадалъ. Дай руку мнѣ!
Ты не одинъ, кипя душою,
Горишь и гаснешь въ тишинѣ:
Прошу тебя, будь другъ со мною.

ПѢСНЯ.

Если встрѣчусь съ тобой,
Иль увижу тебя —
Что за трепетъ-огонь
Разольется въ душѣ!

Если взглянешь, душа—
Я горю и дрожу,
И безчувственъ и нѣмъ
Предъ тобою стою!

Если молвишь мнѣ что—
Я на рѣчи твои,
И привѣты твои
Что̀ сказать не сыщу.

А лобзаньямъ твоимъ,
А восторгамъ твоимъ—
На землѣ, у людей
Выраженья имъ нѣтъ!

Digitized by Google

Дѣва-радость души!
Это жизнь—мы живемъ!
Не хочу я другой
Жизни въ жизни моей!

ОСЕНЬ.

Настала осень—непогоды
Несутся въ тучахъ отъ морей,
Угрюмѣетъ лице природы,
Не веселъ видъ нагихъ полей;
Лѣса одѣлись синей тьмою,
Туманъ гуляетъ надъ землею
И омрачаетъ свѣтъ очей.
Все умираетъ, окладѣло;
Пространство дали почернѣло,
Нахмурилъ брови бѣлый день,
Дожди безсмѣнные полились;
Къ людямъ въ сосѣдки поселились
Тоска и сонъ, хандра и лѣнь.
Такъ точно немочь старца скучна;
Такъ точно тоже для меня
Всегда водяна и докучна
Глупца пустая болтовня.

Digitized by Google

МАЛЕНЬКОМУ БРАТУ.

Рости счастливо, братъ мой милый,
Подъ кровомъ Вышняго Творца,
На груди матушки родимой,
Въ объятьяхъ нѣжнаго отца.
Будь добродѣтеленъ душою,
Великъ и знатенъ—простотою;
На сцену свѣта ты войдешь
Любимцемъ ли слѣпой фортуны,
Или, какъ я, полюбишь струны
И посохъ бѣдный понесешь—
Въ высокомъ званіи предъ бѣднымъ
Счастливой долей не гордись!
Но съ нимъ, нѣмъ Богъ послалъ, послѣднимъ,
Какъ съ роднымъ братомъ, подѣлись.
Суму дадутъ — не спорь съ судьбою;
У Бога мы равны предъ нимъ
Смирися съ дѣтской простотою —
И съ сердца грусть слетитъ, какъ дымъ.
Пробудишь струны — пой безъ лести!
Будь неподкупенъ въ дѣлѣ чести;
Люби Творца, своихъ владыкъ
И будь въ ничтожествѣ великъ.

ПѢСНЯ.

Очи, очи голубыя,
Мнѣ васъ болѣ не встрѣчать!

Digitized by Google

Дѣвы, дѣвы молодыя,
Вамъ меня ужь не ласкать!

Побывали, унеслися
Дни моей златой весны;
Въ сердцѣ опытномъ слилися
Лишь отзывы старины.

Ахъ, на что же оживили
Предо мной мои мечты,
Сердцу сладостныя были,
Ласки юной красоты?

Мнѣ ль привѣтливымъ казаться,
Съ хладнымъ сердцемъ вновь любить?
Мнѣ ль надеждой обольщаться?
Безпробудно другъ мой спитъ....

НОЧЛЕГЪ ЧУМАКОВЪ.

Вблизи дороги столбовой
Ночуетъ таборъ кочевой
Сыновъ Украины привольной.
Въ степи и пасмурно и темно:
Ни звѣздъ блестящихъ, ни луны
На небѣ нѣтъ, и тишины
Ночной ничто не нарушаетъ;
Порой проѣзжій лишь играетъ,
И колокольчикъ почтовой,
Звеня надъ тройкой удалой,
На мигъ молчанье прерываетъ;
Между возовъ огонь горитъ;

Digitized by Google

На таганѣ котелъ виситъ;
Чумакъ рыдѣтый, бородатый,
Поджавшись на ногахъ, сидитъ
И кашу съ саломъ кипятитъ.
За таборомъ невдалекѣ
Волы усталые пасутся:
Они никѣмъ не стерегутся.
Безпечно предъ огнемъ въ кружкѣ
Хохлы чумазые, сѣдые,
Съ усами хлопцы молодые,
Простершись на травѣ, лежатъ
И вдаль невесело глядятъ.
Чѣмъ чумаковъ прогнать дремоту?
Давно ль утратили охоту
Они пѣть пѣсни старины?
Чѣмъ нынѣ такъ развлечены?
Бывало, часто, ночью темной
Я съ ними время раздѣлялъ
И, помню, пѣснямъ ихъ внималъ
Съ какой-то радостью невольной. . .
Но вотъ во тьмѣ игра свирѣли,
Вотъ тихо подъ свирѣль запѣли
Они про жизнь своихъ дѣдовъ,
Украйны вольныя сыновъ. . .
И какъ тѣ пѣсни сердцу милы,
Какъ выразительны, унылы,
Протяжны, звучны и полны
Преданьями родной страны! . . .

Digitized by Google

СПЯЩЕМУ МЛАДЕНЦУ.

О, всеблагое Провидѣнье,
Храни его успокоенье!

Еще не знаетъ онъ что скука,
Что безпредѣльная любовь,
И какъ тяжка любви разлука,
И какъ хладѣетъ въ сердцѣ кровь;
Не знаетъ жизненной заботы,
Тяжелыхъ сновъ и страшныхъ бѣдъ,
И міра гибельныхъ суетъ,
И дней безжизненной дремоты,
Коварства свѣта и людей,
Надеждъ, желаній и страстей.
Теперь онъ рѣзвится, играетъ,
Незрѣлый умъ мечтой питаетъ;
Во снѣ испугъ его не будитъ,
Нужда до солнца встать не нудитъ,
Печаль у ложа не стоитъ —
Священнымъ сномъ невинность спитъ.
Но эти дни, какъ тѣнь, проходятъ,
Прекрасный міръ съ собой уводятъ.

О, всеблагое Провидѣнье,
Храни его успокоенье!

КРАСАВИЦѢ.

Ахъ, кто ты, дѣва-красота?
Твои уста, твои ланиты

Такою прелестью покрыты!
И въ комъ чудесная мечта
Груди бъ младой не взволновала,
Когда бъ ты на скалѣ крутой,
Одна, надъ бездною морской,
Какъ дѣва Пушкина, стояла
Подъ бѣлой дымкой покрывала,
И вкругъ тебя одеждой снѣжной,
Зефиръ привѣтливо бъ игралъ —
По сгибу плечъ, по шеѣ нѣжной
Свитыя кудри развивалъ? . . .
Когда бъ, качаяся, дремало
Перо на шляпкѣ голубой,
И грудь лебяжая вздыхала
Любовью дѣвственной, святой?
Тогда бъ, въ сердечномъ упоеньи,
Склонивъ колѣни предъ тобой,
Въ нѣмомъ и сладостномъ забвеньи,
Сгорѣлъ бы весь, какъ огнь степной! . . .

СЕСТРѢ.

(При посылкѣ ей моихъ пѣсень).

Сестра! вотъ были чудныхъ сновъ,
Вотъ звуки самодѣльной лиры,
Мои мечты, мои кумиры,
Моя душа, моя любовь!
Сестра! земная жизнь — мгновенье,
Судьбы въ кто знаетъ назначенье?

Digitized by Google

Быть можетъ, разлюбя другими
Не окажусь въ семьѣ живыхъ,
Пройдетъ годъ, два — за суетою,
За лживой радостью мірскою
Забудешь ты меня; но вдругъ,
Когда-нибудь прочтешь мой стихъ,
Вспомянешь брата — и вздохнешь,
И сладкихъ слезъ потокъ прольешь.

ПРИДИ КО МНѢ.

Приди ко мнѣ, когда зефиръ
Колышетъ рощами лѣниво,
Когда и лугъ, и степь — весь міръ
Одѣнется въ покровъ сонливый.

Приди ко мнѣ, когда луна
Изъ облакъ въ облака ныряетъ,
Иль съ неба чистаго она
Такъ пышно воды озлащаетъ.

Приди ко мнѣ, когда весь я
Въ любовны думы погружаюсь,
Когда, красавица, тебя
Нетерпѣливо дожидаюсь.

Приди ко мнѣ, когда любовь
Восторги пылкіе рождаетъ,
Когда моя младая кровь
Кипитъ, волнуется и играетъ.

Digitized by Google

Приди ко мнѣ—вдвойнѣ съ тобой
Хочу я жизнью насладиться,
Хочу къ твоей груди младой
Со всею страстію прижаться!..

РАЗУВѢРЕНІЕ.

Да! жизнь не то, что говорили
Мои мнѣ книги и мечты,
Ее не даромъ заклеймили
Печатью зла и суеты.
Сначала, искренно встрѣчая
И утро дня благословляя,
Я въ мірѣ все благословлялъ . . .
Дитя! я ласки расточалъ,
Я простиралъ мои объятья
Ко всѣмъ съ любовію, какъ къ братьямъ!
Пришла пора—узналъ и я,
Но ужь не то, что прежде снилось,
Чѣмъ сердце юное плѣнилось,
О чемъ такъ сладко думалъ я . . .
Узналъ родныхъ—въ родству холодныхъ,
Въ друзьяхъ—предателей притворныхъ,
Въ толпахъ людей—толпы невѣждъ,
Обманчивость земныхъ надеждъ,
Въ обѣтахъ — лживые обманы,
Въ невинномъ взглядѣ—хитрый взоръ,
Въ умахъ возвышенныхъ — туманы,
Надутой глупости позоръ . . .
Богъ съ ними! Я страну земную

Съ упрекомъ тайнымъ разлюбилъ;
Душой постигнулъ жизнь другую,
Въ ту жизнь мечту переселилъ:
И странствую безъ дальнихъ нуждъ,
Земли жилецъ, земнаго чуждъ.

ТЕРЕМЪ.

Тамъ, гдѣ теремъ тотъ стоитъ,
Я люблю всегда ходить,
Ночью тихой, ночью ясной,
Въ благовонный май прекрасный!

Чѣмъ же теремъ этотъ милъ?
Чѣмъ меня онъ такъ плѣнилъ?
Онъ не пышный, онъ не новый,
Онъ бревенчатый — дубовый.

Ахъ, въ томъ теремѣ простомъ
Есть съ раскрашеннымъ окномъ
Разубранная свѣтлица:
Въ ней живетъ душа-дѣвица.

Какъ то встрѣтился я съ ней
Не свожу съ тѣхъ поръ очей;
Красна жь дѣвица не знаетъ,
По комъ грудь моя вздыхаетъ.

Разрывайся, грудь моя!
Буду суженымъ не я;
Тотъ богатый; я безъ хаты —
Цѣлый міръ мои палаты!

Digitized by Google

Вѣщунъ-сердце говоритъ:
Жить тебѣ, дѣтинкѣ, жить
Не съ женою молодою—
Съ чужой-дальней стороною. . .

* * *

Не мнѣ внимать напѣвъ волшебный
Въ тѣнистой рощѣ соловья;
Мнѣ грустенъ листьевъ шумъ прибрежный
И говоръ свѣтлаго ручья.

Прошла пора! но въ дни былые
Я слушалъ филомелы гласъ,
Тогда то въ сумраки густые
Веселья огнь во мнѣ не гасъ.

Тогда съ Анютой милой, нѣжной,
Часовъ полета не видалъ;
Тогда, надеждой обольщенный,
Я праздникъ жизни пировалъ.

Теперь же, о друзья! со мною
Анюты скромной болѣ нѣтъ. . .
Съ другимъ она. . . и я съ тоскою
Встрѣчаю дня огнистый свѣтъ.

Такъ мнѣ ль внимать напѣвъ волшебный
Въ тѣнистой рощѣ соловья?
Мнѣ грустенъ листьевъ шумъ прибрежный
И говоръ свѣтлаго ручья.

Digitized by Google

МЩЕНІЕ.

(Отрывокъ).

Скажи: какія возраженья
Разсѣютъ новыя сомнѣнья,
Какую снова хочешь лесть
Въ защиту чести произнесть?
Молчи, и словъ не трать напрасно;
Я знаю все—и знаю ясно,
Когда... и гдѣ... и какъ... кто онъ?...
Но ты, ты скажешь: это сонъ
Развилъ невѣрное видѣнье,
Чтобъ поселить межъ насъ сомнѣнье.
Напротивъ, слушай—я скажу—
Вчера бьетъ полночь, я лежу,
Не сплю, но спящимъ притворился,
И чуткимъ сномъ какъ бы забылся;
Вдругъ слышу: робко ты меня
Своей рукой пошевеля,
Тихонько встала,—и потомъ
Исчезла въ сумракѣ ночномъ;
Я всталъ, гляжу—тебя ужь нѣтъ.
Схватилъ кинжалъ, пустился вслѣдъ.
Но я не видѣлъ, какъ ты съ нимъ
Дышала воздухомъ однимъ,
И какъ въ объятьяхъ ты его
Пылала, млѣла и сгарала,
Какъ жарко друга своего
При разставаньи цѣловала. . .
Забывши страхъ, законъ, себя,

Digitized by Google

Кровавымъ мщеніемъ горя,
Ужаснымъ гнѣвомъ пламенѣя,
Бѣгу. . . Нечаянно злодѣя,
Какъ тѣнь могильную, схватилъ
И въ грудь ему кинжалъ вонзилъ. . .
Гдѣ вы, любви моей мечты?
И кто довелъ? . . . Теперь и ты
Страшись меня, какъ грѣшникъ ада;
Не то—подобная награда? . . .

---

* * *

По-надъ Дономъ садъ цвѣтетъ,
Во саду дорожка:
На нее бъ я все глядѣлъ,
Сидя, изъ окошка. . .

Тамъ съ кувшиномъ за водой
Маша проходила.
Томный взоръ потупивъ свой,
Со мной говорила.

„Маша, Маша! молвилъ я:
Будь моей сестрою!
Я люблю. . . любимъ ли я,
Милая, тобою?“

Не забыть мнѣ никогда,
Какъ она глядѣла!
Какъ съ улыбкою любви
Весело краснѣла!

Digitized by Google

Не забыть мнѣ, какъ она
Сладко отвѣчала,
Изъ кувшина, въ забытьи,
Воду проливала. . .

Сплю и вижу все ея
Платье голубое,
Страстный взглядъ, косы кольцо,
Лентой первитое.

Сладкій мигъ мой, возвратись!
Съ Дономъ я прощаюсь. . .
Ахъ, нигдѣ ужь, никогда
Съ ней не повстрѣчаюсь! . . .

ВЗДОХЪ НА МОГИЛѢ ВЕНЕВИТИНОВА.

Какія думы въ глубинѣ
Его души таились, зрѣли?
Когда бъ онѣ сказалися вполнѣ—
Кого бъ мы въ немъ, друзья, узрѣли?
Но онъ, нашъ сѣверный поэтъ,
Какъ юный лебедь величавый,
Средь волнъ тоскуя, пѣсню славы
Едва началъ—и стихъ средь юныхъ лѣтъ!

КЪ РѢКѢ ГАЙДАРѢ.

Стою, зловѣщей думы полнъ,
При шопотѣ, при плескѣ волнъ. . .

Digitized by Google

Гайдарь! все тѣми жъ ты волнами
Катишься вдаль, какъ и всегда,
Такими жъ свѣтлыми мечтами
Поишь людей, поишь стада,
И тѣ жъ въ тебѣ глядятся горы
И моются корни лѣсовъ,
Все тѣ жъ кругомъ поля, озеры,
Все такъ же ночью вдоль береговъ,
На лодкѣ легкой и качливой,
Плыветъ веселый рыболовъ;
По влагѣ сонной, прихотливой,
Кидаетъ сѣть онъ — и впередъ
Весломъ размашистымъ гребетъ,
И пѣснь Украйны, для забавы,
Безъ мыслей, безъ желаній славы,
Напѣвомъ прадѣда поетъ!
Катись, Гайдарь, и пой водою
Брега, счастливые тобою!
Твой вѣкъ тебѣ не измѣнитъ:
А я, старикъ, всю жизнь прожилъ. . .
Гдѣ жъ вы, благія упованья,
Гдѣ ты, священный сердца жаръ? . . .
Катися, свѣтлая Гайдарь,
Неси мои съ собой стенанья!

ВЕСЕЛЫЙ ЧАСЪ

Дайте бокалы!
Дайте вина!

Digitized by Google

Радость — мгновенье,
Пейте до дна!
Громки пѣсни
Гряньте, друзья!
Пусть насъ веселыхъ
Видитъ заря!
Нынѣ пируемъ —
Юность на часъ —
Нынче веселье,
Радость у насъ!
Завтра что будетъ
Знаю ль, друзья?
Пусть насъ веселыхъ
Видитъ заря!
Шумно, раздольно
Пойте, друзья!
Лейте въ бокалы
Больше вина!
Ну-те-жь все разомъ
Выпьемъ до дна!
Пусть насъ веселыхъ
Видитъ заря!

ЧТО ЗНАЧУ Я?

Что, крошка мелкая, я значу?
Живу, заботливо тружусь,
Въ желаньи счастья время трачу,
И, вѣчно недовольный, плачу!
Чего жь ищу? въ чему стремлюсь?

Digitized by Google

Въ какой странѣ, на что гожусь?
Есть люди—до смерти желаютъ
Вопросы эти разгадать,
Но что до этихъ пустяковъ, какъ хотятъ,
О всемъ серьезно разсуждаютъ.
Я недоросль—я не мудрецъ,
И мнѣ нужнѣе знать немного;
Шероховатою дорогой
Иду шажкомъ я, какъ слѣпецъ;
Съ смѣшнымъ сойдусь ли—посмѣюсь,
Съ прекраснымъ встрѣчусь—имъ плѣнюсь,
Съ несчастнымъ—отъ души поплачу,
И не стараюсь знать что значу.

Я БЫЛЪ У НЕЙ.

Я былъ у ней; она сказала,
Люблю тебя, мой милый другъ!
Но эту тайну отъ подруги
Хранить мнѣ строго завѣщала.
Я былъ у ней; на прелесть злата
Клялась меня не промѣнять;
Ко мнѣ лишь страстію пылать,
Меня любить, любить, какъ брата.

Я былъ у ней; я съ устъ прелестной
Счастливое забвенье пилъ,
И все земное позабылъ
У дѣвичьей груди прелестной.

Digitized by Google

Я былъ у ней; я вѣчно буду
Съ ея душой душою жить;
Пускай она мнѣ измѣнить —
Но я измѣнникомъ не буду.

УТѢШЕНІЕ.

Какъ жаль, что счастія звѣзда
На небѣ вашемъ закатилась!
Но развѣ гореть навсегда
Съ судьбою вашей породнилась?
Пройдетъ зима—настанетъ май;
Бѣда глупа—взведетъ на счастье.
Всякъ Провидѣнью довѣряй:
Оно насъ цѣнитъ безъ пристрастья.
Пусть, кто доволенъ здѣсь не право
Или не право кто гонимъ. . .
Земныя радости—съ отравой,
Отрава — съ счастіемъ земнымъ.
Все постоянно лишь за моремъ;
И потому, что насъ тамъ нѣтъ;
А между тѣмъ кто минутъ горемъ?
Никто—таковъ ужь бѣлый свѣтъ!

---

* * *

О, не нажи улыбки страстной!
Не мучь надеждою напрасно;
Прошу, такъ нѣжно не гляди,
Со мной рѣчей не заводи;

Digitized by Google

Будь больше недовольна,
Будь равнодушна, хладнокровна,
Какъ недруга, пренебрегай,
Въ бесѣдахъ — съ злобою нѣмою
Со мною встрѣчи убѣгай,
Ахъ, ты неправдою такою,
Меня, быть можетъ, огладишь
И къ счастью счастья лишишь.

НАЯДА.

Взгрустнулось какъ-то мнѣ въ степи однообразной:
Я слѣгъ
Подъ стогъ,
И, дремля въ скукѣ праздной,
Уснулъ; уснулъ — и вижу сонъ:
На берегу морскомъ, подъ дремлющей сосною,
Съ унылою душою,
Сижу одинъ, передо мною
Со всѣхъ сторонъ
Безбрежность водъ и небо голубое —
Все въ сладостномъ ночномъ покоѣ,
На все навѣянъ легкій сонъ.
Казалось, море — небеса другія,
Казались моремъ небеса:
И тамъ и здѣсь, одни свѣтила золотыя,
Одна лазурь, одна краса
Въ объятіяхъ дружбы дремлетъ.
Но кто вдали, нарушивъ тишину,

Digitized by Google

Уснувшую волну
Подъемлетъ и колеблетъ?
Прелестная, нагая
Богиня синихъ водъ —
Наяда молодая.
Она плыветъ,
Она манитъ, она зоветъ
Къ себѣ на грудь мои объятія и очи....
Какъ сладострастный геній ночи,
Она, съ дѣвичьей красотой,
Являлась вся сверхъ волнъ нагой
И обнималася съ волной!...
Я съ береговъ, я къ ней, и — чудо — достигаю,
Плыву ль, стою ль, не потопаю.
Я съ ней — ее я обнимаю,
Съ боязнью дѣтскою ловлю
Ея привѣтливые взгляды;
Сжимаю станъ Наяды,
Цѣлую и шепчу: любдю!
Она такъ ласково ко мнѣ главу склонила;
Она сама меня такъ тихо обнажила,
И рубище мое пошло ко дну морей.
Я чувствовалъ, въ душѣ моей
Раждалась новая, невидимая сила,
И счастливъ былъ я у ея грудей.
То отъ меня притворно вырываясь,
Она, какъ дымъ, сгибаясь, разгибаясь,
Со мной тихонько въ даль плыла;
То, тихо отклонивъ она меня руками,
Невидима была;

Digitized by Google

То долго подъ водами
Напѣвомъ чуднымъ пѣснь поетъ; —
То, охвативъ меня рукою,
Шалитъ лѣнивою водою
И страстный поцѣлуй даетъ; —
То вдругъ, одѣтые въ покровъ туманной мглы,
Идемъ мы въ воздухѣ до дремлющей скалы.
Съ вершины вновь въ морскую глубину!
По ней кружимся, въ ней играемъ,
Другъ друга, нѣжась, прижимаемъ
И предаемся, будто сну . . .
Но вспыхнула во мнѣ вся кровь,
Пожаромъ разлилась любовь;
Съ воспламененною душою—
Я всю ее объемлю, всю обвилъ. . .
Но мигъ — и я отъ ужаса остылъ:
Наяда, какъ мечта, мгновенно исчезаетъ;
Коварное мнѣ море измѣняетъ:
Я тяжелѣю, я тону,
И страсть безумную кляну;
Я силюсь плыть, но надо мною
Со всѣхъ сторонъ валы встаютъ стѣною;
Разлился мракъ, и съ мрачною душой
Я поглощенъ бездонной глубиной . . .
Проснулся — потъ холодный
Обдалъ меня.
Поэзія! подумалъ, я,
Твой жрецъ — душа святая
И чистая и неземная!

Digitized by Google

* * *

Мой другъ, мой ангелъ милый,
Тебя ли я съ такою силой,
Такъ нѣжно, пламенно лобзалъ,
И къ нѣжной груди прижималъ?
Или, въ минуту изступленья,
Въ жару сердечнаго волненья,
Я обнималъ одну мечту,
Твою рисуя красоту?
Какъ упоителенъ душѣ влюбленной
Живой твой взоръ полусмущенный,
Твой жгучій, страстный поцѣлуй! —
Приди же вновь! страдальца поцѣлуй!
Тобой любимымъ быть прекрасно!
Прекраснѣе — тебя любить!
Что̀ муки мнѣ? душою страстной
О милой сладко мнѣ грустить!

СОЛОВЕЙ.

(Подражаніе Пушкину).

Плѣнившись розой, соловей
И день и ночь поетъ надъ ней;
Но роза молча пѣснямъ внемлетъ,
Невинный сонъ ее объемлетъ . . .
На лирѣ такъ пѣвецъ иной,
Поетъ для дѣвы молодой;

Digitized by Google

Онъ страстью пламенной сгараетъ,
А дѣва милая не знаетъ —
Кому поетъ онъ? отъ чего
Печальны пѣсни такъ его?

КЪ ДРУГУ.

Развеселись, забудь что было!
Чего ужь нѣтъ—не будетъ вновь!
Все ль намъ на свѣтѣ измѣнило?
И все ль взяла съ собой любовь?
Еще отрадъ у жизни много,
У ней мы снова погостимъ:
Съ однимъ развелъ насъ опытъ строгой,
Поладимъ, можетъ-быть, съ другимъ!
И что мы въ жизни потеряли —
У жизни снова мы найдемъ!
Что намъ мгновенныя печали?
Мы ль ихъ съ тобою не снесемъ?
Что грусть земли? ужель за гробомъ
Ни жизни, ни награды нѣтъ?
Ужели тамъ, за синимъ сводомъ,
Ничтожество и тьма живетъ?
Ахъ, нѣтъ! кто мучится душою,
Кто въ мірѣ за-живо умретъ,
Тотъ тамъ, за дальней синевою,
Награды вѣрныя найдетъ!
Не вѣрь истлѣнія кумиру,
Не вѣрь себѣ, не вѣрь людямъ,
Не вѣрь пророчащему міру,

Digitized by Google

Но вѣруй, вѣруй небесамъ!
И пусть меня людская злоба
Всего отраднаго лишитъ,
Пусть съ колыбели и до гроба
Лишь зломъ и мучитъ и страшитъ:
Предъ ней душою не унижусь,
Въ мечтахъ не разувѣрюсь я;
Могильной тѣнью въ прахъ низринусь,
Но скорби не отдамъ себя! . . .

ДОМЪ ЛѢСНИКА.

Въ темномъ лѣсѣ, за рѣкой,
Стоитъ домикъ небольшой,
Съ двумя свѣтлыми окнами,
Съ распашными воротами.

Подъ замкомъ тѣ ворота,
И калитка заперта,
Чтобъ не вшелъ туда рогатый
Лѣшій страшный и косматый;

Чтобъ не вшелъ туда упырь,
Ни проѣзжій богатырь.
Кто жъ живетъ тутъ одинокo,
Отъ жилья крутомъ далеко?

Рыболовъ ли небогатый?
Иль разбойникъ бородатый
Въ немъ спасается мольбой
Съ сундуками и казной?

Digitized by Google

Живетъ въ домѣ съ давнихъ поръ,
Карaулитъ царскій боръ —
Лѣсной староста, съ женою,
Съ третьей дочкой молодою.

И для ней старикъ сѣдой
Замыкаетъ домикъ свой,
Чтобы въ каменны палаты
Не увезъ купецъ богатый;

Чтобъ боярина окружной
Не прильнулъ бы къ молодой
Безотвязной повиликой —
Чтобъ не быть ей горемыкой.

ИЗСТУПЛЕНІЕ.

Духи неба, дайте мнѣ
Крылья сокола скорѣй!
Я въ полночной тишинѣ
Полечу въ объятья къ ней!
Сладострастными руками
Кругомъ шеи обовьюсь;
Ея черными глазами
Залюбуюсь, загляжусь!
Беззаботно къ груди полной,
Какъ пчела къ цвѣтку, прильну,
Сладострастьемъ усыпленный,
Безпробудно я засну.

Digitized by Google

РАЗМЫШЛЕНІЕ ПОСЕЛЯНИНА.

На восьмой десятокъ
Пять лѣтъ перегнулось,
Какъ одну я пѣсню,
Пѣсню молодую,
Пою, запѣваю
Старою погудкой;
Какъ одну я лямку
Тяну безъ подмоги!
Ровесникамъ дѣтки
Давно помогаютъ;
Только мнѣ на свѣтѣ
Перемѣны нѣту.
Сынъ пошелъ на службу,
А другой въ мотилу,
Двѣ вдовы невѣстки:
У нихъ дѣтей кучи —
Все малъ-мала меньше—
Задной головою
Ничего не знаютъ.
Гдѣ пахать, что сѣять
Позабыли думать.
Богу, знать, угодно
Наказать подъ старость
Меня горемыку
Такой тяготою.
Сбыть съ двора невѣстокъ,
Пустить сиротъ въ люди—
Старики, на сходкѣ,

Digitized by Google

Про Кузьму что скажутъ?
Нѣтъ, мой загадъ, ужь лучше,
Доколь мочь и сила,
Доколь душа въ тѣлѣ,
Буду я трудиться;
Кто у Бога проситъ,
Да работать любитъ —
Тому невидимо
Господь посылаетъ.
Посмотришь — одинъ я
Батракъ и хозяинъ,
А живу чѣмъ хуже
Людей семьянистыхъ?
Лиха бѣда — въ землю
Кормилицу ринуцу
Мужичку — закинуть;
А тамъ Богъ урѣдитъ,
Микола подсобитъ
Собрать хлѣбецъ съ поля;
Такъ его достанетъ
Годъ семью пробавить,
Посбыть подать съ шеи
И нужды поправить,
И лишней копейкой
Божій праздникъ встрѣтить.

ПОЭТЪ И НЯНЯ.

„Няня, няня! правда ль, это,
Что здѣсь сказано поэтомъ?

Будто мнѣ не вѣкъ играть:
Что достанется узнать
Дѣвушкѣ дѣвичье горе,
Своенравное какъ море;
И что мнѣ теперь такъ мило,
Будетъ горестно, постыло.
Что привыкну тосковать
И украдкою вздыхать . . .
День ли весело проснется —
Дѣва дню не улыбнется;
Выйдетъ съ грустью на крыльцо
Освѣжить свое лицо,
Поглядитъ ли на дубравы,
На невинныя забавы,
На шелковые луга,
На зеленые брега —
Все подъ твердью голубою
Дышетъ радостью земною;
Ей лишь скучно, и слеза
Ороситъ ея глаза". . .
— И!... не вѣрь, мое дитя,
Они гуторятъ шутя;
Ихъ ты сказкамъ не внимай,
Плюнь на книжку! пой, играй! —

ГЛАЗА.

Погубили меня
Твои чорны глаза:
Въ нихъ огонь неземной
Жарче солнца горитъ!

Омрачитесь, глаза,
Охладѣйте ко мнѣ!
Ваша радость, глаза,
Не моя; не моя! . . .

Не глядите же такъ,
О, не мучьте меня!
Въ васъ, страшнѣе грозы,
Блещутъ искры любви.

Нѣтъ, проглянъте, глаза,
Загоритесь, глаза!
И огнемъ неземнымъ
Сердце жгите мое!

Мучьте жаждой любви!
Я горю — и въ жару
Безконечно хочу
Оживать, умирать,

Чтобы, чорны глаза,
Васъ съ любовью встрѣчать,
И опять, и опять
Горевать и страдать!

ЖЕНИТЬБА ПАВЛА.

Павелъ дѣвушку любилъ,
Ей подарковъ надарилъ:
Два аршина касандрики,
Да платокъ, да черевики,

Digitized by Google

Да китаечки конецъ,
Да золоченый вѣнецъ,
Она стала щеголиха,
Какъ богатая купчиха.

Плясать въ улицу пойдетъ,
Распотѣшитъ весь народъ;
Пѣсни ль на голосъ заводитъ,
Словно зельями обводитъ.

Одаль молодцы стоятъ,
Межъ собою говорятъ:
„Всѣ мы ходимъ за тобою!
Чьей-то будешь ты женою?“

Говоритъ. Самъ-третей,
Запрягъ Павелъ лошадей,
Везть товары подрядился,
Кой-гдѣ зиму волочился.

И, разторгнувшись казной,
Къ веснѣ ѣдетъ онъ домой:
Въ гости родныхъ созываетъ;
Свахой тетку наряжаетъ.

Большой выкупъ далъ отцу—
Кладъ достался молодцу.
Свадьбу весело играли:
Двѣ недѣли пировали.

Digitized by Google

ДВА ПРОЩАНІЯ.

„Такъ ты, моя
Красавица,
Лишилась вдругъ
Двухъ мо́лодцевъ;
Скажи же мнѣ,
Какъ съ первымъ ты
Разсталася,
Прощалася?“

—Разставалась съ нимъ
Я весело;
Прощалася —
Смѣялася
А онъ ко мнѣ,
Бѣдняжечка,
Припалъ на грудь
Головушкой;
И долго такъ
Лежалъ, молчалъ;
Смочилъ платокъ
Горючими . . .
Ну—Богъ съ тобой!
Промолвилъ мнѣ;
Схватилъ коня,
Поѣхалъ въ путь;
Въ чужихъ краяхъ
Корóтать вѣкъ. —

Digitized by Google

„И ты надъ нимъ
Смѣялася?
Его слезамъ
Не вѣрила?
Скажи жь теперь,
Мудреная,
Какъ ты съ другимъ
Прощалася?“

—Другой не то . . .
Не плакалъ онъ,
А и теперь
Все плачу я.
Ахъ, обнялъ онъ
Такъ холодно,
Такъ сухо рѣчь
Повелъ со мной:
Я ѣду—вишь
Не надолго;
Еще съ тобой
Увидимся,
И въ-волюшку
Наплачемся.
По сердцу ли
Такой привѣтъ?
Махнулъ рукой,
Не кланяясь,
Въ мое лицо
Не смотрючи,
Пустилъ коня —
И былъ таковъ!

Digitized by Google

„Кто жь памятнѣй
Останется
Душѣ твоей,
Красавица?“

— Мнѣ перваго,
Конечно, жаль:
Люблю же я
Послѣдняго.

ПОСЛѢДНЯЯ БОРЬБА.

Надо мною буря выла,
Громъ по небу грохоталъ,
Слабый умъ судьба страшила,
Холодъ въ душу проникалъ.

Но не палъ я отъ страданья,
Гордо выдержалъ ударъ,
Сохранилъ въ душѣ желанья,
Въ тѣлѣ — силу, въ сердцѣ — жаръ,

Что̀ погибель! что̀ спасенье!
Будь, что̀ будетъ — все равно!
На святое Провидѣнье
Положился я давно.

Въ этой вѣрѣ нѣтъ сомнѣнья,
Ею жизнь моя полна;
Безконечно въ ней стремленье,
Въ ней покой и тишина.

Digitized by Google

Не грози жь ты мнѣ бѣдою,
Не зови, судьба, на бой:
Готовъ биться я съ тобою,
Но не сладишь ты со мной!

У меня въ душѣ есть сила,
У меня есть въ сердцѣ кровь,
Подъ крестомъ — моя могила,
На крестѣ — моя любовь!

КЪ МИЛОЙ.

Давно разстались мы съ тобою,
Быть можетъ, ты теперь не та;
Быть можетъ, ужь другой
Тебя отъ сладкаго забвенья
Для новой жизни пробудилъ.
И въ тѣхъ же снахъ, другія сновидѣнья,
Роскошнѣе моихъ, твою лелѣютъ душу.
Хорошъ ли онъ? вполнѣ ли замѣнилъ
Огонь любви моей могучей,
И силу страстнаго лобзанья,
И наслажденья безъ-конца?
Что, если онъ, своею волей,
Съумѣлъ любовь пересоздать,
И на разрушенныхъ обломкахъ
Построилъ міръ другой —
Подобье дня подъ небесами?
И въ этотъ міръ, волшебной силой,
Прелестныя мечты безъ образовъ собралъ,

Digitized by Google

Кругомъ тебя разсыпалъ,
Преобразилъ въ живыя лица,
Святой любовью озарилъ,
И власть тебѣ онъ далъ
Ихъ безконечно ощущать? . . .
Ахъ, если такъ, то ты счастлива!
Среди духовъ небесныхъ
Нѣтъ духа счастливѣй тебя! . . .
Что́ жь я? — ненужное созданье!
Приди ко мнѣ, моя богиня,
Во время сна, въ покровахъ ночи,
Возьми къ себѣ въ его прекрасный міръ.
И съ нимъ въ одно созданье слей?

БѢДНЫЙ ПРИЗРАКЪ.

Убилъ я жизнь, искавши счастья,
Сгубилъ себя — а счастья нѣтъ;
Пойду къ друзьямъ на пиръ старинный
И заживу я съ ними вновь.

„Противъ меня возстали люди;
Судьба караетъ день и ночь;
На свѣтѣ жить несносно, горько;
Страдальцу дайте отдохнуть“.

Отвѣта нѣтъ. Друзья-счастливцы
На бѣдность холодно глядятъ;
Со мною встрѣчи избѣгаютъ;
И „нѣту дома“ говорятъ.

Digitized by Google

Какъ-будто я, недобрый гость,
Пришелъ богатство ихъ присвоить.
Печалью радость отравить,
Свое имъ горе навязать!

И вотъ дожилъ на старость лѣтъ,
Что не съ кѣмъ слова перемолвить,
Сердечной скуки раздѣлить,
Кому бъ „ночь добрую“ сказать.

О, ночь! приди хоть ты.... но съ этой мыслью,
Вся повѣсть прежнихъ дней
Изъ глубины души выходитъ
И тѣнью страшною стоитъ.

И грустно мнѣ смотрѣть:
Весной на лугъ зеленый,
На плодъ любимыхъ яблонь
И на пожатый колосъ нивъ . . .

ПРИМИРЕНІЕ.

На пиръ сердечныхъ наслажденій,
На свѣтлый пиръ любви младой,
Съ судьбою грозной злые люди
Напали буйною толпой.
И я, въ безумномъ изступленьи,
Изъ міра дѣвственной любви,
Къ моимъ врагамъ на праздникъ шумный,
Съ челомъ открытымъ гордо вышелъ,
На злобу — злобой ополчился,
И на бѣду — съ бѣдой пошолъ:

Digitized by Google

Противъ людей я грудью сталъ,
На смертный бой судьбу я вызвалъ!
И гдѣ жь она?... гдѣ злые люди?...
Гдѣ сила ихъ, оружье, власть?...
Ихъ зло на нихъ же обратилось.
И все кругомъ меня безмолвно,
Въ одно мгновенье покорилось;
А я стоялъ, глядѣлъ на небо —
И улыбнулось небо мнѣ....
Не небо — нѣтъ! Ея прекрасный,
Привѣтный взоръ я встрѣтилъ тамъ....
Теперь, лукавый соблазнитель,
Ты, демонъ гибнущей души,
Оставь меня. Ни прелестью порока,
Ни буйной страстью грѣшныхъ наслажденій,
Не увлечешь меня ты больше;
Не для тебя — для ней одной
Я жизнью пламенной живу.
И вотъ, ужь нѣтъ пространства между нами;
И вотъ, ужь нѣтъ въ пространствѣ пустоты;
Она и я — различные два міра —
Въ одну гармонію слились,
Одною жизнію живемъ!
Но что за грустныя сомнѣнья
Порой еще мою волнуютъ грудь?
Ужель, души моей надежды,
Есть за могилой вамъ конецъ?
Ужель, всѣ истины на свѣтѣ —
Одна лишь выдумка ума?
Ужель и ты, святая вѣра чувствъ —

Digitized by Google

Людскихъ страстей пустая тѣнь?...
Нѣтъ, нѣтъ! не для того на небѣ солнце ходитъ,
Чтобъ бѣлый день покрылся тьмой!...

МІРЪ МУЗЫКИ.

Въ стройныхъ звукахъ льются пѣсни
Гармонической волной;
По душѣ волшебной ходятъ
И проходятъ съ быстротой.

Полечу я вслѣдъ за ними;
Погружуся въ нихъ душой;
Въ очарованномъ забвеньи
Позабуду міръ земной!

Сколько звуковъ, сколько пѣсень
Раздалося вновь во мнѣ!
Сколько образовъ чудесныхъ
Оживилось въ вышинѣ!

Между нихъ, она, младая,
Заблистала красотой!
Чистой, пламенной любовью
Озарился міръ земной....

Улетайте жь въ небо звуки,
Сокрывайтеся вдали!
Здѣсь я съ нею, здѣсь я счастливъ —
Любо жить мнѣ на землѣ!

Digitized by Google

ТОВАРИЩУ.

Что ты ходишь съ нуждой
По чужимъ по людямъ?
Вѣруй силамъ души,
Да могучимъ плечамъ.

На заботы жь свои
Чуть заря поднимись,
И одинъ во весь день
Что есть мочи, трудись.

Неудачи, бѣда —
Съ грустью дома сиди;
А съ зарею опять
Къ новымъ нуждамъ иди.

И такъ бейся, пока
Случай счастье найдетъ,
И на славу твою
Жить съ тобою начнетъ.

Та же сила тогда
Другой голосъ возьметъ,
И чудно, и смѣшно,
Всѣхъ къ тебѣ прикуетъ.

И тѣ жь люди-враги,
Что чуждались тебя,
Богъ ужь вѣдаетъ какъ,
Назовутся въ друзья.

Digitized by Google

Ты не сердись на нихъ;
Но спокойно, въ тиши,
Жизнь горою пируй,
По желаньямъ души.

---

* * *

Не разливай волшебныхъ звуковъ!
Не уноси ты въ свой прекрасный міръ!
Твоя душа—какъ Божій ангелъ!
Вся жизнь твоя—какъ свѣтлый день!

Ты можешь силой дивной пѣсни
Созвать невидимыхъ духовъ:
Они всю прелесть чудной жизни
Въ твоихъ видѣньяхъ разольютъ;

Мятежный міръ въ мечтахъ сокроютъ,
Съ печалью радость съединятъ;
Коснется ль грусть—на душу снидетъ
Всесильной жизни благодать!

А предо мной—лишь прошлыхъ дней
Всѣ образы страстей безумныхъ
Изъ глубины души поднимутъ
Во всей ихъ страшной наготѣ.

И если ты, мой милый другъ,
Не озаришь меня своимъ сіяньемъ,
Не дашь руки, „люблю“ не скажешь,
Со мною вмѣстѣ не пойдешь

Digitized by Google

Тогда погибъ я навсегда!
Тогда, страдалецъ одинокій,
Ни для земли, ни для небесъ
Я не воскресну никогда!

КЪ * * *

Ты въ путь иной отправилась одна,
И для преступныхъ наслажденій,
Для сладострастья безъ любви,
Другихъ любимцевъ избрала . . .
Ну, что жь—далеко ль этотъ путь пройденъ?
Какія впечатлѣнья
Въ твоей душѣ оставилъ онъ?
Изъ всей толпы избранниковъ твоихъ
Съ тобою остался ль хоть одинъ,
И для спасенья твоего
Готовъ ли жертвовать собой?
Гдѣ жь онъ? Дай мнѣ его обнять,
Обоихъ васъ благословить
На безконечный жизни путь!
Но ты одна—надъ страшной бездной,
Одна, несчастная, стоишь!
Въ безумномъ изступленьи
Враговъ на помощь ты зовешь,
И съ безнадежною тоскою
На гибель вѣрную идешь,
Дай руку мнѣ: еще есть время
Тебя отъ гибели спасти . . .
Какъ холодна твоя рука!

Digitized by Google

Какъ тяжело намъ проходить
Передъ язвительной толпою!
Но я рѣшился, я пойду,
И до конца тебя не брошу,
И вновь я выведу тебя
Изъ бездны страшнаго грѣха . . .
И вновь ты будешь у меня
На прежнемъ небѣ ликовать,
И трудный путь судьбы моей
Звѣздою свѣтлой озарять! . . .

ВОПЛЬ СТРАДАНІЯ.

Напрасно я молю святое Провидѣнье
Отвесть ударъ карающей судьбы,
Укрыть меня отъ бурь мятежной жизни
И облегчить тяжелый жребій мой;

Иль, слабому, ничтожному творенью,
Дать силу мнѣ, терпѣнье, вѣру,
Чтобъ могъ я равнодушно пережить
Земныхъ страстей безумное волненье.

Пощады нѣтъ! Душевную молитву
Разноситъ вѣтръ во тьмѣ пустынной,
И вопли смертнаго страданья
Безъ отзыва въ дали глубокой тонутъ.

Ужель во цвѣтѣ лѣтъ подъ тяжестью лишеній
Я долженъ пасть, не насладившись днемъ
Прекрасной жизни, досыта не упившись
Очаровательнымъ дыханіемъ весны?

Digitized by Google

ПѢСНЯ

Не скажу никому,
Отчего я весной
По полямъ и лугамъ
Не сбираю цвѣтовъ.

Та весна далеко.
Тѣ завяли цвѣты,
Изъ которыхъ мы съ нимъ
Завивали вѣнки!

И тѣхъ нѣтъ ужь и дней
Что летѣли стрѣлой,
Что любовью насъ жгли,
Что палили огнемъ!

Все прошло ужь давно . . .
Не воротишь назадъ!
Для чего жь, безъ него
Цвѣты стану я рвать?

Не скажу никому,
Отчего у меня
Тяжело на груди
Злая грусть налегла.

ПѢСНЯ.

Гдѣ вы, дни мои,
Дни весенніе,
Ночи лѣтнія,
Благодатныя?

Digitized by Google

Гдѣ ты, жизнь моя,
Радость милая!
Пылкой юности
Заря красная?

Съ какой гордостью
Я смотрѣлъ тогда
На туманную
Даль, волшебную!

Тамъ свѣтился свѣтъ
Голубыхъ очей;
Тамъ мечтамъ моимъ
Конца не было!

Но, среди весны,
Въ цвѣтѣ юности,
Я сгубилъ твою
Душу чистую . . .

Безъ тебя, одинъ,
Я съ тоской гляжу,
Какъ ночная тьма
Покрываетъ день . . .

СТАРАЯ ПѢСНЯ.

Изъ лѣсовъ дремучихъ, сѣверныхъ
Поднялась не тучка темная,
А рать сильная—могучая,
Царя грознова, московскова;

Digitized by Google

Словно птица быстролетная
Пролетѣла море синее —
Перешла такъ сила русская
Степь пустую, непроходную.

И пришла она, незваная,
Къ царству славному, Казанскому —
Къ бусурману—хану лютому,
Къ свому недругу заклятому.

И куда еще—спитъ зорюшка,
А ужь бьется Русь съ Татариномъ,—
Стѣны крѣпкія разрушила,
И пошла гулять по городу.

Воеводы, рати храбрыя
Ѣздятъ, бьютъ Татаръ по улицамъ;
А на башнѣ, съ русскимъ знаменемъ,
Юный царь стоитъ, какъ солнышко!

А. П. СЕРЕБРЯНСКОМУ.

Не посуди: чѣмъ я богатъ
Послѣднимъ подѣлиться радъ.
Вотъ мой досугъ; въ немъ умъ твой строгій
Найдетъ ошибокъ слишкомъ много:
Здѣсь каждый стихъ—чай, грѣшный бредъ.
Что жь дѣлать! я такой поэтъ,
Что на Руси смѣшнѣе нѣтъ!
Но не щади ты недостатки,
Замѣть, что требуетъ поправки . . .

Digitized by Google

Когда бъ свобода, время, чинъ,
Когда бъ, примѣрно, господинъ
Я былъ такой, чтобъ только съ трубкой
Сидѣть день цѣлый и зѣвать,
Роскошно жить, безпечно спать:
Тогда, клянусь тебѣ! не шуткой
Я бъ вышелъ въ люди, вышелъ въ свѣтъ.
Теперь я самъ-собой поэтъ,
Теперь мой геній . . . но довольно!
Душа груститъ моя невольно;
Я чувствую, мой милый другъ,
Съ издѣтскихъ лѣтъ какой-то духъ
Владѣетъ ею не напрасно!
Нѣтъ! я не даромъ сладострастно
Люблю богиню красоты,
Уединенье и мечты! . . .

КОНЕЦЪ.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ	5
Размолвка	45
Путникъ	46
Люди добрые, скажите	—
Первая любовь	47
Совѣтъ старца	48
Къ ней	49
Кольцо	—
Пѣсня старика	51
Пѣсни пахаря	—
Ты не пой, соловей	53
Удалецъ	54
Не шуми ты, рожь	56
Крестьянская пирушка	57
Урожай	59
Цвѣтокъ	63
Молодая жница	—
Перстенечикъ золотой	65
Косарь	66
Раздумье селянина	70
Лѣсъ	71
Горькая доля	74
Первая пѣсня Лихача Кудрявича	75
Вторая пѣсня Лихача Кудрявича	77
Пора любви	79
Ахъ, зачѣмъ меня	81

Digitized by Google

	Стр.
Послѣдній поцѣлуй	83
Измѣна суженой	84
Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ	85
Деревенская бѣда	86
Пѣсня разбойника	88
Бѣгство	90
Путь	92
Тоска по волѣ	93
Что ты спишь, мужичокъ	94
Хуторокъ	96
Въ непогоду вѣтеръ	100
Говорилъ мой другъ, прощаючись	101
Безъ ума, безъ разума	102
Дума сокола	—
Свѣтитъ солнышко	104
Такъ и рвется душа	105
Разлука	—
Не на радость, не на счастье	106
Перепутье	108
Дуютъ вѣтры	109
Всякому свой талантъ	110
Много есть у меня	111
Разсчетъ съ жизнію	112
Грусть дѣвушки	113
Ночь	114
Помнишь	116
Доля бѣдняка	118
Звѣзда	119
Не весна тогда	120
Ты прости-прощай	121
Разступитесь, лѣса темные	—
Какъ здоровъ, да молодъ	123
Я любила его	—
На новый 1842 годъ	125
Что онъ ходитъ за мной	126
Нынче ночью къ себѣ	127

Digitized by Google

ДУМЫ.

	Стр.
Великая тайна	131
Божій міръ	132
Неразгаданная истина	133
Человѣкъ	134
Великое слово	135
Умолкшій поэтъ	137
Могила	139
Молитва	141
Двѣ жизни	142
Вопросъ	143
Царство мысли	146
Лѣсъ	147
Передъ образомъ Спасителя	148
Поэтъ	149
Жизнь	150
Не время ль намъ оставить	151

ДОПОЛНЕНІЕ.

Сирота	155
Ровеснику	156
Если встрѣчусь съ тобой	157
Осень	158
Маленькому брату	159
Очи, очи голубыя	—
Ночлегъ чумаковъ	160
Спящему младенцу	162
Красавицѣ	—
Сестрѣ	163
Приди ко мнѣ	164
Разувѣреніе	165
Теремъ	166
Не мнѣ внимать напѣвъ волшебный	167

Digitized by Google

	Стр.
Мщеніе	168
По-надъ Дономъ садъ цвѣтетъ	169
Вздохъ на могилѣ Веневитинова	170
Къ рѣкѣ Гайдарѣ	—
Веселый часъ	171
Что значу я?	172
Я былъ у ней	173
Утѣшеніе	174
Наяда	175
Мой другъ, мой ангелъ милый	178
Соловей	—
Къ другу	179
Домъ лѣсника	180
Изступленіе	181
Размышленіе поселянина	182
Поэтъ и няня	183
Глаза	184
Женитьба Павла	185
Два прощанія	187
Послѣдняя борьба	189
Къ милой	190
Бѣдный призракъ	191
Примиреніе,	192
Міръ музыки	194
Товарищу	195
Не разливай волшебныхъ звуковъ	196
Къ * * *	197
Вопль страданія	198
Не скажу никому	199
Гдѣ вы, дни мои	—
Старая пѣсня	200
А. П. Серебрянскому	201

Digitized by Google

Digitized by Google

THIS BOOK IS DUE ON THE LAST DATE STAMPED BELOW

AN INITIAL FINE OF 25 CENTS

WILL BE ASSESSED FOR FAILURE TO RETURN THIS BOOK ON THE DATE DUE. THE PENALTY WILL INCREASE TO 50 CENTS ON THE FOURTH DAY AND TO $1.00 ON THE SEVENTH DAY OVERDUE.

MAR 12 1937

DEC 9 1944
3Jul'52GD

JUL 1 1952 LU

21Aug'61JL

RECEIVED

AUG 23 1961

4May'65BG

REC'D LD

MAY 4 '65-2PM

LD 21-100m-8,'34

Digitized by Google

YC 73285
[redacted]

U. C. BERKELEY LIBRARIES
C043046038

170616
Kol 'stov

Digitized by Google

Digitized by Google